

ПАМЯТ

Annotation

- [Густав Эмар](#)
 - [ГЛАВА I. Гостеприимство в пустыне](#)
 - [ГЛАВА II. Деревня, которой суждено было стать городом](#)
 - [ГЛАВА III. Золотой ключ](#)
 - [ГЛАВА IV. Женщины](#)
 - [ГЛАВА V. Мегера](#)
 - [ГЛАВА VI. Робость — не лучшее качество женщины](#)
 - [ГЛАВА VII. Желтая птица гонится за двумя зайцами](#)
 - [ГЛАВА VIII. Любовь побеждает месть](#)
 - [ГЛАВА IX. Долой маску! Я объявляю ему войну!](#)
 - [ГЛАВА X. Король золотых приисков призывает подданных к порядку](#)
 - [ГЛАВА XI. Последняя амазонка](#)
 - [ГЛАВА XII. Воздушное путешествие, или то, что мэтр Пьер назвал рекогносцировкой](#)
 - [ГЛАВА XIII. Желтая птица освобождает пленников](#)
 - [ГЛАВА XIV. Случай оказывается мудрее доктора Фрэнсиса де Вердьера](#)
 - [ГЛАВА XV. Здесь сходятся все следы](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Густав Эмар

Король золотых приисков

ГЛАВА I. Гостеприимство в пустыне

Часу в восьмом вечера 14 августа 1855 года, когда из перелеска неожиданно появились два всадника на отличных мустангах, на левом берегу Гумбольдт-ривер прогремел выстрел.

Судя по дороге, которой ехали всадники, они направились к Утаху, миновав Карсонскую долину.

Одеты всадники были по-европейски: охотничьи куртки, перетянутые широкими кожаными поясами, за поясами — два револьвера, топорик, патронташ и длинный нож, так называемый бычий язык, перешедший по наследству от Старого Света. На левом боку — кавалерийская сабля.

Штаны из оленьей кожи плотно облегли их мощные крепкие ноги, мягкие сапоги с громадными шпорами доходили до самых колен.

Мексиканские широкополые шляпы, украшенные золотым шнуром, спасали их от дневного зноя и ночной сырости.

У каждого всадника было также по кентуккийской винтовке. К седлу прикреплен аркан.

Вооруженные таким образом молодые люди, рослые и сильные, могли бы смело вступить в борьбу с пятнадцатью бродягами, с некоторых пор грабившими эту местность.

Старшему из путешественников было на вид лет тридцать, второму — немного меньше.

Обоих отмечала мужская красота в сочетании с редким умом. Лица их выражали твердость и в то же время беспредельную доброту. Загорелые, бородатые, они тем не менее отличались от простых охотников и переселенцев, то и дело встречавшихся в пустыне, ибо принадлежали к так называемому высшему обществу.

Молодые люди были французами.

Того, что постарше, звали Фрэнсис де Вердьер, точнее, он сам себя так называл.

В Америке это принято. Там можно придумать себе не только имя, но и титул.

Второго путешественника звали Гастон Дюфальга.

Вердьера чаще всего называли доктором, а Дюфальга капитаном. Хотя оснований для этого не было никаких.

Репутация у молодых людей была не самая лучшая.

Они прибыли в Сан-Франциско почти одновременно, довольно долго

прожили там, совершенно случайно познакомились в одном доме, узнали друг в друге французов и подружились.

Как-то Дюфальга предложил Вердьеру съездить в Утах на Соленое озеро в столицу мормонов, и тот сразу же согласился.

Приготовления заняли не много времени, и уже через две недели молодые люди отправились в путь, взяв в проводники канадца-охотника.

В тот вечер, когда мы их встретили после заката на берегу Гумбольдт-ривер, они находились в пути уже семнадцать дней.

Проводника с ними не было.

Он указал им дорогу и на некоторое время оставил одних.

Вдруг Дюфальга придержал лошадь, привстал в стремянах и с опаской огляделся.

Не увидев ничего особенного, он обернулся к своему спутнику, ехавшему позади и наслаждавшемуся превосходной сигарой.

— Ну что, доктор?

— Ничего, — ответил тот, окутанный клубами дыма, из-за чего невозможно было рассмотреть выражение его лица.

— Любезный Френсис, что-то не видно на дороге ни пешех, ни конных.

— Это и хорошо, и плохо, мой добрый Гастон.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что я хочу сказать? — отозвался Френсис, стряхивая мизинцем пепел с сигары. — Я хочу сказать, что, если встретится друг, это хорошо, а если встретится враг — плохо.

— Вы говорите, доктор, как пьяный оракул.

— Ничуть ни бывало, капитан, я знаю, что говорю. Вы ничего не видите, потому что нечего больше видеть.

— А было что?

— Было, но мы опоздали. Занавес опущен. Подождем, пока его снова поднимут.

— Еще загадка.

— О, любезный Гастон! Вы просто смешны!

— Хотел бы я знать, почему.

— Потому что легкомысленны.

— А где доказательства?

— Доказательства есть неопровержимые. Вы не рассердитесь, если я их вам представлю?

— Говорите, — улыбаясь, ответил Дюфальга. — В пустыне не до обид.

— Это правда?

— Правда. Но я рассчитаюсь с вами, когда мы вернемся в цивилизованный мир.

— Теперь я вижу, что вы говорите правду!

— Говорите! Говорите же!

— Если бы вы хоть минуту поразмышляли, то не спрашивали бы, что именно мы не успели увидеть.

— Значит, вы, Френсис, размышляете?

— Иногда, от нечего делать, любезный Гастон.

— И каковы результаты, позвольте узнать?

— Два дня назад мы заметили впереди по обе стороны дороги следы индейцев.

— Прекрасно. Дальше!

— В конце леса двойной след шел метров на сто и вдруг оборвался.

— Совершенно верно. Что же это, по-вашему, значит?

— Это значит, что краснокожие устроили засаду и в любую минуту могут расправиться с нами.

— Пожалуй, вы правы! Но где именно засада? Вокруг голая степь, ни деревца, ни оврага, ни пригорка. Это было бы безумием с их стороны. А они люди благоразумные.

— Плохо вы их знаете, любезный друг! Они найдут, где укрыться.

— Это невозможно!

— Я тоже так думаю, но, поверьте, они все могут,

— Я готов согласиться, если вам так угодно.

— Благодарю тысячу раз, не хотите ли сигару?

— С удовольствием!

Доктор достал прехорошенькую сигарочницу из гуаяквильской соломы, открыл и протянул другу.

— Пожалуйста!

Капитан взял сигару, закурил и спросил:

— Как же нам быть?

— Надо остановиться. Здесь место открытое: вокруг все просматривается, и врагу трудно будет напасть на нас.

— Вы правы. При нас нет багажа, а ночи холодные. К тому же я смертельно голоден.

— Я тоже. Но другого выхода нет. Да и лошадям надо дать отдых.

— По крайней мере, проводник нас догонит.

— Да, — засмеялся доктор, — если не отправился назад в Сан-Франциско.

— Неужели он способен на такую подлость?

— А почему бы и нет? Весьма выгодное для него дельце.

— Допустим, проводник наш — канадец.

— Ну и что? Вы им верите?

— Верю всем, кто честен.

— Все это предрассудки, дорогой друг. Своего рода иллюзии.

Путешественники спешили, расседлали лошадей, привязали к воткнутому в землю колу, расстелили одеяла и рассыпали на них маис. Лошади принялись усердно есть.

Пока капитан собирал для костра сухие ветки, листья и бизоновый навоз, доктор приготовил оружие.

Вскоре запылал костер. Друзья сели и закурили сигары, поскольку есть было нечего.

— Скучная пища! — заметил капитан, выпустив облако дыма.

— Счастье — понятие относительное, — ответил доктор со смехом, — и наше нынешнее положение — тому доказательство. Утолить голод нам нечем, зато можно заглушить его табаком.

— Куда все-таки подевался наш проводник?

— Говорю же я вам: улетел назад в Сан-Франциско. Недаром он носит прозвище Желтая птица.

— Я такого не допускаю.

— Напрасно.

— Наш проводник — человек честный и за все золото Нового Света не совершит такого поступка.

— Дорогой друг! У соотечественников Санчо-Пансо на каждое слово есть поговорка. Особенно они любят одну, которую я вам советую принять к сведению.

— Что же это за поговорка?

— Самое правильное — всегда и во всем сомневаться. Что вы на это скажете?

— Никогда не слышал ничего более нелепого. Желтая птица не может...

Его прервал прогремевший поблизости выстрел. И сразу же в свете луны с воинственными криками показалось человек двадцать.

Друзья мигом вскочили, схватили ружья и, став друг к другу спиной, решили драться не на жизнь, а на смерть.

Раздался еще один выстрел.

— Это Желтая птица, — сказал капитан, — я узнал звук винтовки.

— Я тоже, — откликнулся доктор, — хорошо, что мы не накрыли стол, все равно не успели бы поесть.

— Видите, он не вернулся в Сан-Франциско, — заметил капитан.

— Наверное, сбился с дороги, — пошутил доктор, — но не будем отвлекаться, негодяи приближаются...

Индейцы ползли, как настоящие змеи.

— Прицелились? — спросил капитан.

— Прицелился, а вы?

— И я прицелился.

— Стреляем?

Два выстрела грянули одновременно.

С неприятельской стороны донеслись вопли, и индейцы ринулись мстить за товарищей.

Друзья отстреливались из револьверов.

Схватка была короткая, но ужасная.

Когда патроны кончились, друзья пустили в ход приклады. Вдруг индейцы стали разбегаться.

Человек, похожий на демона, верхом на коне ворвался в самую гущу нападающих, стреляя обеими руками из двух пистолетов.

— Ну-ка, ударим дружно! — ликуя, крикнул капитан.

— Кого ударим? — хладнокровно отозвался доктор.

И в самом деле ударять было некого. Краснокожих и след простыл.

— Вовремя вы успели, Желтая птица! — вскричал капитан, дружески пожимая руку охотника.

— Я сразу все понял, когда услышал стрельбу, — как ни в чем не бывало ответил канадец.

— Мы не надеялись вас снова увидеть, — вырвалось у капитана.

— Почему? — удивился канадец.

— Не знаю, право, — смутился капитан, — доктор думал, вы сбились с дороги, да мало ли что? Ведь компаса у вас нет!

— Я сбился с дороги? — вскричал охотник со смехом. — Вы шутите. Не может быть, капитан, чтобы доктор такое подумал!

— Конечно, он шутит. Кстати, привели лошака?

— Он-то, проклятый, меня и задержал: пока я рассматривал следы бродяг на дороге, он сбросил вьюки и дал тягу.

— Следы индейцев, — поправил доктор.

— Бродяг, сударь, — повторил охотник, — неужели вы думаете, что на вас напали одни краснокожие?

— Судя по одежде, это были индейцы!

— Ошибаетесь, сударь, — возразил канадец, покачав головой, — одежда ничего не значит, вы скоро убедитесь в этом. Но хватит спорить!

Давайте устроимся на ночь. Да и поесть вам надо.

— Мы просто умираем с голоду, — ответил, смеясь, капитан. — Перестрелка нас окончательно вымотала.

— Тогда к делу!

С лошака быстро сняли поклажу, поставили палатки, стали варить на костре еду, и вскоре приступили к ужину с завидным аппетитом, разыгравшемся за полсуток голодания.

Только они поели, как со стороны реки донесся легкий шум. Все трое насторожились, французы потянулись к оружию, лежавшему рядом.

Желтая птица знаком их остановил и зашептал:

— Не надо стрелять. Там всего один человек! Дадим ему приблизиться.

— А если это шпион? — возразил доктор.

— Должно быть, шпион и есть, — уверенно ответил канадец.

— А что делать шпиону в пустыне? — изумился капитан.

— Что делать? — рассмеялся охотник. — Пустыня буквально кишит шпионами. Просто вы их не видите!

— Докажите мне это, — сказал капитан, — и я признаю справедливость взгляда нашего друга доктора на... на индейцев.

Желтая птица улыбнулся.

— Я правду вам говорю. Вы ни от кого не скрыли, что отправляетесь в Утах. Верно?

— Ну и что?

— А ведь можно предположить, что у вас есть тайная цель?

Путешественникам нечего было возразить.

— И тут каждый стал принимать свои меры. Американцы следят за вами, чтобы помешать примкнуть к мормонам, мормоны подозревают в вас тайных агентов Соединенных Штатов, рудокопы опасаются, как бы вы не занялись разработкой богатой россыпи, известной вам одним, индейцы ищут случая ограбить вас. Теперь вы поняли, сколько глаз и ушей за вами шпионит?

— Понял, — прошептал капитан.

— Мы на нейтральной земле, она в сущности не принадлежит никому, но все заявляют на нее свои права. А вы оказались в центре этих интриг. Один раз на вас уже напали, готовьтесь к следующим нападениям. С вами будут бороться хитростью и силой. Отвечайте тем же, иначе погибнете!

— Вы преувеличиваете опасность, — заметил доктор.

— Вы полагаете? — многозначительно произнес охотник.

— У каждого свое мнение. Быть может, оба мы ошибаемся. Поживем

— увидим.

— Возможно, — холодно ответил канадец, — как бы то ни было, вот и наш гость. Принимайте его, как вам будет угодно. Желаю доброй ночи.

Канадец закутался в одеяло, растянулся на земле и закрыл глаза с твердым намерением ни во что не вмешиваться. Вердьер ранил его самолюбие.

Доктор презрительно передернул плечами и устремил взгляд на пришельца. Тот стоял уже шагах в десяти от бивака. Высокого роста, смуглое лицо с резкими чертами и выражением доброты и лукавства. Глаза черные, пронзительные, словно две молнии. Волосы тоже черные, до плеч, длинная борода, густая и жесткая. Одежда — помесь костюма индейца и степного охотника. Вокруг головы — полоска кожи гремучей змеи.

Пришелец постоял, опершись скрещенными руками о дуло ружья, затем дважды поклонился путешественникам, приложив правую руку к груди, а затем вытянув ее вперед.

— Я услышал выстрелы, — сказал гость, — и увидел пламя костра и подумал, не нуждаются ли чужеземцы в сильной руке и храбром сердце? Поэтому поспешил на помощь.

— Благодарю, — сухо ответил капитан, — мы не нуждаемся ни в чьей помощи. Нам достаточно собственных рук, как вы могли убедиться.

— Однако, — вмешался доктор, — в гостеприимстве мы никому не отказываем. Посидите с нами. Если голодны — ешьте, если мучает жажда — пейте, если озябли — грейтесь у костра.

Незнакомец сделал несколько шагов вперед и сказал:

— Кто исполняет долг гостеприимства, тот идет праведным путем. Гость, приглашенный к очагу, священен. Вам, надеюсь, это известно?

— Известно, не бойтесь, подойдите поближе, кем бы вы ни были, другом или врагом.

— От гостеприимства я не отказываюсь, хотя не голоден и меня не мучает жажда. — Гость сел, положил рядом ружье, вынул из-за пояса индейскую трубку, набил и стал молча курить.

Непродолжительные переговоры велись на английском, которым незнакомец владел в совершенстве, хотя говорил с легким акцентом.

— На вас напали? — спросил он немного погодя.

— Да, — ответил капитан, — краснокожие надеялись застать нас врасплох.

— Это были не одни краснокожие.

— Откуда вы знаете? — удивился капитан.

— Не все ли равно, откуда. Знаю, и все.

— Кто же вы?

— Такой же путник, как и вы.

— Друг или враг?

— Ни то, ни другое. Пока я ваш гость.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что позднее буду, вероятно, либо тем, либо другим.

— Кем бы вы ни были, — вскричал капитан, смеясь, — вы по крайней мере откровенны! Это мне по душе, ей-богу! Тайна, которой вы себя окружаете, завораживает. Продолжайте. Беседа с вами доставляет мне истинное удовольствие.

— Напрасно вы шутите, я говорю вполне серьезно.

— Сохрани бог! И не думаю шутить. Я до смерти люблю все таинственное. К тому же, мне кажется, вы меня знаете, и это возбуждает мое любопытство. Вы действительно меня знаете?

— Я знаю и вас, и вашего спутника, доктора.

— Благодарю вас. Мы никогда не считали себя знаменитостями. Ни я, ни мой друг.

— Позволю себе заметить, что не назвал доктора вашим другом, только спутником. А это далеко не одно и то же, — сказал не без иронии незнакомец.

Доктор нахмурил брови.

— Хватит болтать, — заявил он. — Вы злоупотребляете нашим гостеприимством. Разве мы плохо приняли вас? В чем же дело?

— Пожалуй, я лучше уйду, — сказал гость, вставая. — Я уже согрелся.

— Как вам угодно, — резко ответил доктор.

— Надеюсь, мы еще увидимся, — произнес капитан насмешливо. — Вы не прощаетесь с нами.

— Я тоже надеюсь, — с иронией ответил незнакомец.

— Доброго вам пути!

— А вам доброй ночи! — многозначительно сказал незнакомец и, слегка наклонив голову, удалился с надменным видом.

— Клянусь богом! Провести меня не удастся, — вскричал капитан, обернувшись в ту сторону, где спал проводник.

— Что вы собираетесь делать? — спросил с беспокойством, непонятым его другу, доктор.

— Узнать, кто этот негодяй. Добрых полчаса он насмехался над нами, — ответил капитан и дернул одеяло, в которое закутался проводник. Но тот куда-то исчез.

Капитан вскрикнул от изумления, в тот же момент грянул выстрел и

раздался душераздирающий вопль.

— Что это? — в один голос вскричали друзья, схвативши оружие.

— Ничего особенного, — раздался почти рядом насмешливый голос проводника. — Я пристрелил вонючую гадину.

ГЛАВА II. Деревня, которой суждено было стать городом

Гумбольдт-ривер берет начало в Сьерра-Неваде, течет по территории Утаха, через сто миль образуется в озеро, а затем исчезает в песках.

Окруженная со всех сторон холмами, она не может проложить себе дорогу и либо уходит в песок, либо испаряется.

Редко можно встретить реку с такими прихотливыми извилами и живописными берегами.

Вода в ней то мутная, словно мыльная, то чистая до прозрачности. Берега то голы и бесплодны, то зелены от множества деревьев, которые смотрятся в воду, как в зеркало. Над рекой, шумно хлопая крыльями, летают стаи зимородков.

Мускусные крысы бороздят русло реки.

В небольшой долине на расстоянии ружейного выстрела от левого берега Гумбольдт-ривер, милях в десяти от бивака наших путешественников находилась деревня, которой в будущем суждено было превратиться в цветущий город.

Отправляющиеся к Соленому озеру или в Калифорнию не могли ее миновать.

В 1855 году там жило всего человек двадцать разных национальностей: французы, англичане, немцы, испанцы, североамериканцы, поляки. Несмотря на видимость дружбы, они перемывали друг другу косточки.

Надо сказать, что деревню населяли не самые лучшие представители вышеупомянутых наций. Напротив. В основном это были разбойники, объединившиеся, чтобы грабить путников и делить награбленное. Дележ, разумеется, не обходился без драки.

Самым большим в деревне был дом в два этажа с двумя трубами и множеством окон, со створчатой дверью и обнесенным частоколом, ухоженным садом. Над домом реял флаг Соединенных Штатов.

На почтительном расстоянии от дома были разбросаны хижины, не менее пятнадцати. Еще сто — на самом берегу реки. В них жило племя индейцев шоонес или змеи, известных грабителей в тех местах. Они были в тесной дружбе с жителями деревни.

Белые и краснокожие воры объединились, чтобы грабить караваны и

убивать путешественников.

Было около восьми вечера; большая зала, служившая то храмом, то музыкальным салоном описанного нами дома, была сегодня похожа на кабак. Там в беспорядке стояли столы и скамейки. За столами, где в подсвечниках стояли свечи, пьянствовали бродяги в каких-то немислимых лохмотьях. Они играли в азартную игру и как безумные кричали.

Слуги со жбанамии в руках обносили бродяг вином. Всем распоряжался хозяин дома — толстяк с веселым лицом и насмешливой улыбкой, одетый во все черное.

У двери, в неосвещенном углу, сидел за отдельным столом человек в мексиканской одежде, богатой и очень изящной. Он сидел уже больше часа, но не притрагивался к вину, только курил, с отвращением глядя на кутивших бродяг.

На вид ему было лет двадцать семь—двадцать восемь. Тонкие черты лица, высокий лоб, широкие скулы, блестящие черные глаза, нос с горбинкой, чувственный рот с великолепными зубами, закрученные кверху густые усы. Роста он был небольшого, сложен на редкость гармонично, нарочито развязная поза не могла скрыть изящества и благородства его манер. На столе, рядом с американской винтовкой, лежала широкополая шляпа.

Бледное лицо его с мрачным выражением было из тех, что привлекают к себе внимание и надолго запоминаются.

Толстяк-хозяин то и дело проходил мимо него с недовольным видом, но заговорить не осмеливался.

Хозяин, видимо, досадовал в душе, что посетитель занял стол, но ничего не заказывает, однако недовольства своего вслух не высказывал, вероятно, имея на то веские основания. Остальные, судя по всему, вообще не замечали этого необычного человека, который курил папиросу за папиросой и сидел неподвижно.

Снаружи донесся стук копыт.

Человек вздрогнул, слегка наклонил голову и прислушался. Вскоре в дом вошел мужчина, огляделся и направился к столику мексиканца. Точнее, того, кто выдавал себя за мексиканца.

Хозяин подбежал к нему с подобострастным видом.

— Что прикажете подать?

Не успел новый посетитель и рта раскрыть, как мексиканец отшвырнул папиросу и, бросив взгляд на трактирщика, сказал:

— Ничего.

Толстяк покраснел от злости, не смея возразить, и с поклоном

удалился, дав себе слово отомстить, как только подвернется удобный случай.

Оба посетителя, и новый и старый, так и сидели за пустым столом. Новый был тоже в богатом мексиканском наряде, но изрядно измятом и грязном. Он был постарше первого посетителя и выглядел таким же отважным.

— Надо остерегаться длинных ушей хозяина, — сказал первый посетитель.

— Если достопочтенный мистер Строг подойдет слишком близко, — засмеялся второй, искоса глянув на трактирщика, — можно укоротить его на несколько дюймов.

Хозяин, то и дело сновавший мимо них, словно по волшебству, остановился возле игроков и бросил на стол монету, сделав вид, будто тоже играет.

Хозяину не повезло, и он, считая виновниками своей неудачи мексиканцев, решился, наконец, сердито на них посмотреть. Но те лишь рассмеялись, заметив его гневный взгляд.

— Давай говорить по-басски, — сказал один из мексиканцев, — тогда нас никто не поймет.

— Как хочешь, — ответил другой.

— Ты прямо оттуда? — спросил первый на чистом наречии Пиренеев.

— Прямо оттуда, — последовал ответ на том же наречии.

— Ты поздно приехал.

— И так лошадь чуть не загнал.

— Я давно тебя жду.

— Бедное животное тут не при чем. За два с половиной часа я проскакал более десяти миль.

— Ну, что нового?

— Пока ничего.

— Ничего?

— Нет!

— Может быть, они заодно? Объяснения не было?

— Не было. Они в самых лучших отношениях.

— Значит, Желтая птица еще ничего не сказал?

— Видимо, так.

— Уж не предал ли он меня? — вскричал первый мексиканец, и глаза его сверкнули гневом.

— Нет. Он нам предан... Впрочем, ты знаешь его не хуже меня. Желтая птица никогда никого не предавал.

— Да, это верно. Но почему он бездействует? Ума не приложу!

— Еще не представился случай.

— Пусть сделает так, чтобы представился. С его опытом и отвагой это не очень уж трудно.

— Я сказал ему это.

— Так ты говорил с ним?

— Да, говорил.

— Ну и что?

— Он скажет завтра, что бы ни случилось.

— Наконец-то!

— Это еще не все.

— Пронюхали наши планы?

— Гм! Ты так думаешь, Пьер? — с живостью спросил первый мексиканец.

— Я видел.

— Объясни, что ты имеешь в виду?

— Мормоны попытались застать их врасплох на закате.

— Тысяча чертей! — вскричал второй мексиканец, стукнув по столу кулаком.

— Успокойся, Луи. Желтая птица был начеку. Их прогнали.

— Но завтра они попытаются снова напасть.

— Вполне вероятно.

— Что же делать?

— Идти на риск и решительно действовать.

— Мы имеем дело с сильным противником. Удастся ли добиться успеха?

— Иначе они придут сюда, и тогда все полетит к чертям!

— Это верно.

— Хочешь послушать моего совета?

— Конечно! Говори скорее. Я готов на любой риск, только бы он был на пользу дела.

— Нельзя больше ждать. Этот дьявол Фрэнсис хитер, как лиса. Если он пронюхает что-либо, все поггло; с ним надо кончать.

— Проклятие! Ведь до сих пор все шло как по маслу. Бедняга Гастон! Я поклялся возратить ему невесту.

— И возратим.

— Как? Ведь мы даже не знаем, где она! Есть отчего заложить душу черту!

Пьер наклонился к уху приятеля и зашептал:

— Я знаю, где она.

— Ты? — вскричал Луи.

— Да, я.

— Послушай, Пьер, я спас тебя, ты меня любишь и не станешь обманывать. Я полностью тебе доверяю. Мы ввязались в страшную борьбу и от ее исхода зависит вся моя жизнь. Гастон мне дороже брата, его семья столько сделала для моей семьи. Перед смертью его отец просил моего о нем заботиться. Когда накануне свадьбы невеста Гастона исчезла, он дважды пытался наложить на себя руки. Я удержал его, поклявшись не позднее чем через шесть месяцев вернуть ему возлюбленную Жанну; либо я сдержу обещание, либо всажу себе пулю в лоб. Прошло уже пять месяцев, у меня остался всего один. Чего только я ни делал, чтобы раскрыть гнусную интригу, жертвой которой стали бедные молодые люди. Сто раз я находил нить этой интриги и столько же раз ее терял. Всего и не расскажешь. И вот я выбился из сил и пал духом. Одна надежда на тебя! Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал.

Они пожали друг другу руки.

— Только скажи мне, Луи, прежде чем я открою тебе то, что ты так жаждешь знать. Как удалось этому подлецу Фрэнсису похитить несчастную девушку? С какой целью он это сделал? Он любит ее?

— Любит? — вскричал Луи с гневом. — Не любит и никогда не любил! У Фрэнсиса одна страсть — золото. Жанна обладает громадным состоянием. Вердьер стремится любыми средствами заполучить его. Он женился бы и на дурнушке, будь она богата. Или вообще не женился, если бы смог просто так завладеть ее состоянием.

— Ну и хитрец!

— План его был дьявольски прост.

— Ну-ка, расскажи. Это любопытно! — вскричал Пьер, приготовившись слушать.

— Он не мог заставить Жанну полюбить себя, не мог жениться на ней во Франции и вообще в Европе.

— Конечно, в так называемых цивилизованных странах для заключения брака необходимо согласие обеих сторон. Продолжай!

— Только в одной стране он мог совершить столь преступное действие.

— В Утахе?

— Да, Фрэнсис стал мормоном. Вступил в секту Святых последнего дня и обязался выплатить своим новым братьям миллион в день свадьбы с несчастной девушкой.

— А святые мужи, разумеется, обязались оказывать ему всякую помощь и содействие.

— Что и сделали.

— Во Франции? — спросил Пьер с нескрываемым изумлением.

— Во Франции. Мормоны там многочисленнее, чем ты думаешь. В них силен дух прозелитизма. Миллион — сумма немалая. И они принялись за дело.

— Значит, девушку похитили в Париже?

— В самом Париже. Затем отвезли в Гавр. Непонятно, почему она не позвала на помощь? К каким средствам они прибегли, чтобы ее запугать? Они отправили ее на одном из своих кораблей в Америку.

— И никто не узнал об этом?

— Никто. Даже родственники.

— А Вердьер?

— Чтобы не вызвать подозрений, он какое-то время оставался в Париже.

— Подлец!

— Впрочем, он ничем не рисковал.

— Почему же?

— Ни Гастон, ни родные Жанны его не знали.

— И он считал себя в безопасности?

— Разумеется. А в один прекрасный день он объявил, что отправляется в Чили.

— Ловко разыграно!

— В Чили он действительно поехал, но потом перебрался в Сан-Франциско.

— И там имел наглость подружиться с Гастоном?

— Ты угадал.

— Но дружба эта все же его стесняет.

— Он и намерен порвать ее при первом удобном случае.

— Он способен на все.

— Разумеется.

— Если так, мой добрый Луи, твой друг Гастон угодил, как говорится, прямо в волчью пасть.

— Это я ему посоветовал.

— Но над твоим другом, можно сказать, занесен нож.

— За негодем зорко следят.

— А! Понимаю... Желтая птица? Луи кивнул, и Пьер продолжал:

— И все же план мошенника в главном уязвим.

— В чем же именно?

— Допустим, его ждет удача.

— Ты имеешь в виду заключение брака?

— Ну да. Только вряд ли родственники Жанны дадут себя обобрать так же легко, как дали похитить девушку.

— Фрэнсис предвидел все.

— Все? Однако...

— Жанна де Меркер сирота. А дальние родственники едва ее знают и заботятся о ней не больше, чем о вешнем снеге.

— Но ведь есть опекун, черт возьми! Должен быть! — возразил Пьер.

— Да, опекун есть.

— Ага! Вот видишь!

— Но опекун согласится на все. А Жанна в какой-то мере от него зависит.

— Быть не может! — возразил Пьер, оторопев.

— За сто тысяч экю он согласится на все что угодно. Понял теперь?

— Как не понять, черт возьми! Злодей все предусмотрел. Этот Вердьер ловкач, что и говорить!

— Во всяком случае, своего не упустит.

— Столько коварства в одном человеке, если можно назвать человеком такое чудовище.

— Увы, Пьер! Он человек не дурной и, к несчастью, не единственный в своем роде. Разорившись и потеряв всякую надежду честным путем вернуть состояние и положение в обществе, он решил действовать как разбойник, и останется в выигрыше. Ни мораль, ни нравственность для него не существуют. К тому же говорят, что цель оправдывает средства. Наша задача теперь подложить им мину, прежде чем они появятся здесь, где собралась их сообщники.

— О! Это очень важно и также трудно!

— Я ведь сказал тебе, что надо делать!

— Дай мне подумать, я лучше тебя знаю Америку, где живу уже десять лет. В этих краях, любезный друг, рассчитывать надо только на случай, ей-богу! Именно случай я и призываю к нам на помощь. Он один может принести нам успех.

— Да услышит тебя Бог, друг мой! Шла бы речь о поисках золотой или серебряной руды, я был бы уверен в твоём успехе, ты самый удачливый из золотоискателей. При твоём появлении золото само выходит на поверхность земли и ослепляет людей своим блеском. Но сейчас речь не о золоте.

— Терпение, Луи! — возразил Пьер, скрывая улыбку. — Может быть, сила, которую мне приписывают, и на сей раз поможет. Во всяком случае, не повредит.

Молодые люди замолчали, глубоко задумавшись.

Тем временем крики и хохот становились все громче. Проигрывали все, вплоть до сапог. Пили прямо из бутылок. Пыряли друг друга ножом прямо в лицо.

Этот дом еще не видел подобного оживления.

Хозяин весело потирал руки в предвкушении барышей. Вдруг Пьер стукнул себя кулаком по лбу, затем по столу и крикнул:

— Мистер Строг!

— К вашим услугам, господа, — не замедлил откликнуться толстяк и с заискивающей улыбкой поспешил к гостям.

ГЛАВА III. Золотой ключ

Пьер улыбнулся и, положив руку хозяину на плечо, спросил с самым любезным видом:

— Вы любите всякие деньги, мистер Строг?

— О! — воскликнул американец, и губы его растянулись в улыбке.

— Но предпочитаете золото?

— Еще бы!

— Надеюсь, вы меня знаете?

— Имею честь, ваша милость.

— Ладно, тогда перейдем к делу.

— Я готов.

— Сколько вам дать, чтобы вы продали своего лучшего друга?

— Что прикажете? — вскричал озадаченный толстяк.

— Разве вы не слышали, что я сказал?

— Слышал.

— Так отвечайте же.

— В том-то и дело, — сказал трактирщик, почесывая лоб, — что я не могу вам ответить.

— Почему?

— У меня нет лучшего друга.

— Ну и хитрец же вы! — вскричал Пьер, смеясь. — Но представьте, что у вас есть такой друг. Сколько бы вы потребовали за предательство?

— Дружба — дело святое, ваша милость, — важно ответил трактирщик. — Поэтому предательство дорого стоит.

— Сколько же?

— Ну, хотя бы тысячу долларов, — залебезил хозяин.

— Так мало, любезный?

— Я честный трактирщик, — горячо возразил мистер Строг.

— Еще бы, черт побери. Ну так вот что я вам скажу: за пять минут вы можете получить не тысячу, а две тысячи долларов.

— Две тысячи! — вскричал трактирщик, побагровев от радости. — Что же я должен сделать, почтенный сеньор? Если только это в моих силах, я готов.

— Я уже сказал — предать лучшего друга, а поскольку у вас такового нет, того, кто вам доверился.

— О! Это уже сложнее!

— Почему же?

— Потому что дела надо делать честно, — заявил он и тут же добавил:
— Конечно, насколько это возможно.

— Последние ваши слова обнадеживают. Итак, вы решились?

— Если бы...

— Вы мне прямо скажите: да или нет! В моем кошельке две тысячи долларов мексиканскими унциями. Я плачу наличными.

— На сей счет я спокоен, ваша милость.

— Что же вас удерживает? Вы в чем-то сомневаетесь?

— Надеюсь, вы не опорочите мое доброе имя, — произнес хозяин. — Ведь мне надо кормить семью.

— За кого вы меня принимаете, мистер Строг? — оскорбленно вскричал мексиканец. — Слово чести! Вы останетесь вне подозрений. Можете на меня положиться.

— Значит, я могу, я должен...

— Принять наше предложение.

— Да, сеньор.

— Итак, три дня назад к вам привезли двух женщин. Трактирщик побледнел и невольно попятился назад.

На лице его был написан ужас.

— Ну? — Пьер буквально сверлил его взглядом.

— Это верно, сеньор, — ответил хозяин дрогнувшим голосом, — но ваше дело, полагаю, их не касается.

— Ошибаетесь. Именно их и касается. Точнее, одной из них.

— Вы, вероятно, не знаете, кто привез этих женщин, — дрожа от страха произнес трактирщик.

— Очень хорошо знаю, мистер Строг, только это меня не пугает. Я должен видеть их. Слышите?

— Боже мой! Если это откроется...

— Все останется в тайне. Не беспокойтесь. Только предупреждаю, чтобы никаких подвохов. Иначе распрощаетесь с жизнью. Вы меня знаете!

— Но если...

— Я же сказал, распрощаетесь с жизнью!

— Допустим, я откажусь, что тогда?

— Что? Что вы сказали? Повторите-ка! — вскричал Пьер, взявшись за кинжал, висевший у пояса.

— Я пошутил, сеньор.

— Вот и прекрасно, почтеннейший. Не советую вам отказываться и вилять не советую. Вбейте себе это в голову, мистер Строг.

— Не дай бог вам обмануть меня даже ради хорошенькой женщины.

— Я понял вас, ваша милость!

— Я рад, что поняли. Итак, решено. Две тысячи долларов или смерть, даже самое высокое покровительство не спасло бы вас от моей мести. Напоследок скажу: сделаете все как полагается — получите не две тысячи, а десять тысяч долларов. Целое состояние. Поняли?

— О да! — вскричал трактирщик, и глаза его слезно сверкнули.

— Значит, договорились. А теперь скажите, где эти женщины в данный момент?

— В моей собственной комнате. — С ними никого нет?

— Моя жена, мистрис Строг. Развлекает их, как умеет.

— Где окно вашей комнаты?

— Третье справа от этой двери.

— Отлично.

Пьер достал из-за пояса кошелек и высыпал на стол пригоршню золотых монет.

— Вот задаток. Считайте, если хотите. Но лучше суньте их сразу в карман.

Мистер Строг привычным движением помощника банкомета сгреб деньги и спрятал.

— Теперь я рассчитываю только на вас, — сказал Пьер.

— Не извольте беспокоиться. Вы платите, не считая, а я умею ценить щедрость. Не подведу вас.

— С этой минуты мы с вами связаны, как лезвие с рукояткой.

— Хочу еще раз выразить надежду, что вы, сеньор, не потребуете от меня ничего такого, что могло бы повредить мне как хозяину заведения и добропорядочному семьянину?

— Вот теперь я слышу речь, достойную гражданина великой республики. И нынешней, и будущей.

— Это еще неизвестно, — возразил мистер Строг, который не прочь был потолковать о политике. Но Пьер сухо сказал:

— Довольно разговоров. Ваши глаза и уши принадлежат мне. Запомните это и займитесь своими делами.

Хозяин отвесил низкий поклон и, пятясь, удалился. Когда мексиканцы остались одни, Луи, все время молчавший во время разговора, сказал:

— Признаться, Пьер, не понимаю, что ты затеваешь. Зачем тебе понадобился трактирщик? Что за женщин привезли в этот кабак?

— А ты любопытен! — вскричал Пьер, посмеиваясь. — Ошибаешься... Я просто не терпелив и хочу продолжать поиски. Не

успокоюсь, пока не найду невесту Гастона.

— Уж не упрек ли это?

— Нет, не упрек, любезный Пьер. Только я хочу напомнить тебе данное обещание.

— О, молодость! Молодость! Ты и самонадеянна, и опрометчива, не способна рассуждать здраво, — тихо произнес Пьер.

— Я не понимаю, зачем отклоняться от намеченного пути? Ради какой таинственной цели?

— Не тревожься, друг. Верь мне! Вот все, чего я требую. Отбрось всякие опасения, следуй за мной. Если мы не достигнем цели, можешь поступить со мной как с презреннейшим из врагов, забыв нашу прежнюю дружбу.

— Ладно, пойду за тобой.

— Закрыв глаза?

— Что поделаешь!

— Вот теперь я узнаю моего Луи! Пойдем же.

Они вышли из зала, где посетители мистера Строга по-прежнему веселились, никем не замеченные.

ГЛАВА IV. Женщины

Вам следует знать, что дом, где безраздельно властвовал достопочтенный и толстый мистер Строг и извлекал из него немалую выгоду, носил громкое название: гостиница «Вашингтон», что свидетельствовало о честолюбии его хозяина. Название это было запечатлено на черной доске с золотыми буквами, висевшей над входом, ее можно было увидеть задолго до приближения к дому.

Весь нижний этаж занимали меблированные комнаты, разделенные легкими перегородками. Мистер Строг сдавал их за весьма высокую плату переселенцам и путешественникам, попадавшим сюда волею случая или несчастного рока. Для себя и семьи мистер Строг оставил всего две комнаты, зато самые лучшие и удобные.

Одна комната, не очень просторная, оклеенная желтыми, в крупных цветах обоями, служила гостиной и конторой, смотря по надобности. Круглый раздвижной стол красного дерева, четыре стула и кресло-качалка — вот и вся мебель. Когда же в дом привезли двух женщин, в эту комнату перенесли кровать мистера Строга и его половины.

Вторая комната — спальня, не отличалась от первой ни мебелью, ни обоями, только там был еще камин, большой шкаф, туалетный столик и на стенах несколько безвкусных пестрых картинок, а также портретов.

У камина висели дагерротипы мистера Строга, его жены и сына, страстного золотоискателя, находившегося в то время в Сан-Франциско.

В комнате сидели три женщины.

Одну из них вряд ли представлялось возможным причислить к прекрасному полу, разумеется, если не считать того, что она была в юбке. Речь идет о мистрис Лау Строг.

Супруга трактирщика, женщина лет сорока, обладала мерзкой наружностью, какой могла похвастать разве что горилла.

Багровое лицо, непомерная полнота, огромные красные руки, похожие на валеки ноги ничего, кроме отвращения не внушали.

Одета была мистрис Лау Строг во все черное, завитые волосы, желтые, как буквы на вывеске и обои в комнатах, опускались на плечи. Она сидела на низенькой скамеечке у ярко пылавшего камина, спасавшего от страшной сырости. Рядом на столике стояла в подсвечнике свеча, тоже желтая. Оставалось лишь пожалеть мистера Строга.

Интересно, почему здесь все было желтое? Неужели супруги питали

пристрастие к этому не самому лучшему цвету?

На столе, кроме свечки, стояли чайник, чашка, сахарница и бутылка рома.

В том, что эта достойнейшая особа пила чай со сливками и с ромом или один ром, не было ничего удивительного. Но она к тому же еще и курила!

И какого, вы думаете, цвета была трубка? Желтого. И наконечник на коротком чубуке — тоже желтый. Из янтаря.

Мистер Строг был благодушен и прощал ей эту слабость. Даже снабжал табаком.

Мистрис Строг вынимала изо рта трубку лишь для того, чтобы глотнуть чая с немалой дозой рома, при этом она сплевывала прямо в огонь, а затем снова принималась дымить как паровоз. И вокруг ее головы образовалось серое облако. Напротив хозяйки сидели две девушки лет девятнадцати-двадцати и вели разговор. Их необыкновенная красота лишь подчеркивала безобразие мистрис Строг. Одна из них, Жанна де Меркер, была блондинкой с темными задумчивыми глазами и аристократической внешностью. Выражение грусти и кротости во взгляде придавало ее лицу еще большее очарование.

Подруга, жгучая брюнетка, была хороша по-своему. Нежность и грациозность креолки сочетались в ней с поистине мужской смелостью.

Одеты были девушки скромно, без украшений. Шелковые мантильи, застегнутые до самого ворота, подчеркивали их изящество.

Девушки щебетали словно две птички друг другу на ухо, и мистрис Строг, как ни старалась, не слышала ни слова, что приводило ее в отчаяние. Но если бы даже она расслышала, все равно ничего не поняла бы, потому что не имела понятия о французском языке.

Мистрис Лау Строг мало того, что была болтлива, так еще и зла. Вынужденное молчание приводило ее в ярость. Куря и попивая чай с ромом, она придумывала, как бы отомстить гостям. И, наконец, придумала. Мистрис Строг вынула изо рта трубку и, поглядев на девушек как кошка на мышь, сказала хриплым голосом:

— Мисс Жанна, ангелочек мой, почему вы отказываетесь выпить со мной чашку чая? Превосходного китайского чая, прямо из Пекина?

— Не сомневаюсь, что чай у вас превосходный, — вежливо ответила девушка, — но я не люблю чай. Он вреден мне.

— А вы, мисс Лизбет, — обратилась женщина ко второй девушке. — Тоже не хотите чаю?

— За все сокровища мира не проглотила бы и наперстка, —

решительно заявила девушка, — меня тошнит от чая. Я предпочитаю липовый цвет.

— Напрасно, мои дорогие крошки, — возразила женщина слащавым голосом.

— Ну почему напрасно, — воскликнула Лизбет. — Не думаю, чтобы чай был так уж полезен для здоровья. Можно прекрасно обойтись и без него.

— Смотря где, моя красавица. У вас на родине чай мало кто пьет. А здесь дело другое. Здесь без чая никто не обходится. Ни богатые, ни бедные.

— А нам-то что за дело, — промолвила девушка. — Мы, слава Богу, не американки и не имеем ни малейшего желания становиться ими.

Женщина покачала головой и, набивая трубку, произнесла:

— Кто знает, не станете ли вы американками. И очень скоро. Для этого надо только выйти замуж за американца.

— Но мы не собираемся этого делать. Мы француженки и до конца жизни останемся ими, наперекор всем янки Нового Света.

— Вы очаровательная маленькая чертовка, мисс Лизбет, ваша дерзость мне по душе, — сказала мистрис Строг, раскуривая трубку. — Но, к несчастью, никто вас не станет спрашивать. — Мистрис Строг злорадно ухмыльнулась, отчего по телу девушек пробежал холодок.

— Не разговаривай с ней, Лизбет. Разве ты не видишь, что этой женщине доставляет удовольствие мучить нас? — обратилась Жанна к не в меру пылкой подруге.

— Что вы сказали, мисс Жанна? — спросила женщина, ни слова не понимавшая по-французски.

— Я сказала, что мы не верим ни единому вашему слову. Так что избавьте нас, пожалуйста, от ваших гнусных разговоров. Достаточно того, что мы терпим ваше присутствие.

— Слышали, мистрис Лау Строг? — рассмеялась Лизбет прямо в лицо хозяйке. — Или прикажете повторить то, что сказала вам Жанна?

— Слышала, не глухая, — ответила мистрис Строг, окутанная облаком дыма. — Но я не сержусь, мои крошки, вы сами не знаете, что говорите. Известно ли вам хотя бы, где вы находитесь?

— В Америке. Нетрудно догадаться, — Лизбет обвела презрительным взглядом комнату.

— Но Америка велика, говорят, в несколько раз больше Европы, сама я там не была и не знаю. Так вот, известно ли вам, в какой именно части Америки вы находитесь?

— Скорее всего, в Соединенных Штатах.

Мистрис Строг так расхохоталась, что едва не выронила изо рта трубку.

— Ошибаетесь, крошки мои! Здесь не Соединенные Штаты.

— Шутите, — Жанна пожала плечами.

— От злости совсем завралась, — добавила Лизбет, смеясь.

Задетая за живое, мегера ответила:

— Я не шучу, мои голубки. И не вру. Я вовсе не злая. Я говорю чистую правду. Никто вам теперь не поможет. Тот, кто похитил вас, привез сюда, выхаживал, пока вы болели, никого не боится. Зовите на помощь, кричите, требуйте правосудия — никто не откликнется. Никто не спасет вас. Мне вас жаль, милые крошки!

— Я не понимаю вас, да и понимать не хочу, — с достоинством ответила Жанна. — И оставим этот разговор. Он нам неприятен!

— Неприятен? — мистрис Лау Строг выпустила дым прямо в лицо Жанне и рассмеялась.

— Старая колдунья! — пробормотала Лизбет, а Жанна продолжала:

— Мы попали в руки людей без чести и совести, но до сих пор они относились к нам с величайшей почтительностью.

— Товар не хотят портить, — буркнула мистрис Лау Строг.

Лизбет расслышала эти слова и пришла в ужас, догадываясь о страшной истине.

— Советую вам, мистрис Строг, последовать примеру наших похитителей, — сказала между тем Жанна, — и избавить нас от оскорблений. Они лишь унижают вас в наших глазах.

Грубое ругательство вырвалось у мегеры.

Жанна пропустила его мимо ушей и отвернулась. Зато Лизбет, стоявшая в этот момент за спиной мистрис Строг, отомстила за подругу. Она вырвала у нее изо рта трубку и вышвырнула в окно.

ГЛАВА V. Мегера

Слова Жанны и дерзкий поступок Лизбет привели в ярость супругу мистера Строга.

С минуту она сидела неподвижно, выпучив глаза, в состоянии, близком к обмороку. Девушки в страхе прижались друг к другу.

— Напрасно ты это сделала, Лизбет, — шепнула Жанна.

— Возможно. Но ты посмотри на эту ведьму, и у тебя пропадет охота меня ругать. — Лизбет громко расхохоталась.

От ее смеха мистрис Строг пришла в себя и, сдерживая гнев, удалилась.

Не прошло и нескольких минут, как она вернулась с трубкой в зубах, ехидно взглянула на девушек и принялась еще яростнее дымить.

Жанна молча терпела, а Лизбет стала кашлять, к великому удовольствию мистрис Строг, которая думала: «Ничего, долго она не выдержит, запросит пощады. Но пусть гром грянет над гостиницей „Вашингтон“, если я не превращу этих чертовок в два копченых окорока».

Но радость ее оказалась непродолжительной.

Лизбет достала из кармана мешочек изящной работы, вынула листок бумаги и щепотку турецкого табаку и тонкими пальчиками с завидной ловкостью свернула папиросу.

Это было ударом для мистрис Лау Строг.

Девушка лишь притворялась, что ее душит кашель и принялась курить, как заправский курильщик.

Окончательно же сразило коварную трактирщицу то, что Лизбет даже не удостоила ее взглядом.

В общем, мистрис Строг потерпела полное поражение и с видом жертвы замурлыкала песню.

Лизбет стала ей подтягивать и подтолкнула локтем Жанну, чтобы та присоединилась к ним.

Жанна слушала с грустной улыбкой, но петь не собиралась, завидуя неистощимой веселости Лизбет.

Вдруг Лизбет смолкла.

Мистрис Лау Строг с любезностью, на какую только была способна, спросила, не желает ли Лизбет научиться этой американской песне.

Девушка поблагодарила, но отказалась.

— Вы все еще сердитесь на меня, — сказала мегера. — Я могла бы

пожаловаться на вас, мисс Лизбет, но не стала этого делать. Я вас простила.

Жанна изумленно посмотрела на мистрис Строг, не догадываясь, что та лукавит и при первом же удобном случае отомстит за свое поражение, ибо считала теперь девушек своими заклятыми врагами.

Лизбет не очень-то верила мистрис Строг, но тоже почувствовала в глубине души укор совести.

Может быть, они опрометчиво судили об этой женщине по одной только внешности.

Девушки переглянулись и поняли друг друга.

Надо было повиниться и попросить у нее прощения. Ведь до сих пор у них не было повода на нее жаловаться.

Лизбет перестала курить, подошла к мегере и ласково сказала:

— Простите, мистрис Строг!

— Что простить?

— Мои... мои шалости.

— Я их и не заметила.

— О! Не говорите так! Я думаю, что вы все еще сердитесь на меня.

— Памяти у меня нет, — сказала мегера, — вот и забываю. И свои провинности... и чужие.

— Тогда поцелуйте меня!

Лизбет была так мила в своем раскаянии, что самый строгий судья простил бы ей даже настоящее преступление.

Мистрис Строг приблизила свои толстые губы к прелестной головке Лизбет и с трудом сдержалась, чтобы не укусить девушку.

— Ну? — Лизбет тряхнула черными локонами. — Я жду!

— Жди, чертова кукла! — пробормотала мегера, но, спохватившись, сказала:

— Я не смею.

— Ну что вы!

Пришлось мистрис Лау Строг покориться.

— Теперь Жанну.

Мир, наконец, был заключен, и мистрис Строг спросила:

— Что я могу сделать для вас?

— Дать нам свободу, это единственное, чего мы жаждем, — ответила Лизбет, украдкой взглянув на подругу.

— Это не в моих силах, — ответила мегера.

— Тогда скажите нам, любезная мистрис Строг, где мы находимся и в чьи руки имели счастье или несчастье попасть.

— Сознайтесь, мисс Лизбет, слишком много вопросов вы задаете. Хотя

любопытство ваше вполне понятно.

— Готовы сознаться, только ответьте нам. Мы будем вам так благодарны!

Жанна тоже стала просить мистрис Строг все рассказать.

Поломавшись, мистрис Строг наконец согласилась.

— А почему бы в самом деле, — вскричала она, — мне не исполнить вашей просьбы! Рано или поздно вы все равно должны все узнать.

— Говорите же! — воскликнула Лизбет, надеясь, что хозяйка им поможет и примет их сторону.

— Ваши похитители не собираются вечно держать вас взаперти.

— Ручаюсь вам, это продлится недолго! — заявила Лизбет.

Жанна грустно покачала головой, сознавая всю безнадежность их положения. В этой чужой стране некому было их защитить.

Какие еще испытания пошлет им судьба?

Будущее представлялось ей мрачным.

Лизбет между тем обратилась к мистрис Строг:

— Вы можете нам сказать все, мы не проболтаемся.

— О! Милые крошки! Это в ваших же интересах! — заявила мегера. — Готовьтесь выслушать пренеприятную весть. Мне жаль вас, но сделать я ничего не могу. Итак, вы находитесь на земле, номинально принадлежащей Соединенным Штатам, а на самом деле — индейцам шошонец или змеи.

— Но мы видели здесь американцев, — возразила Жанна.

— Здесь их много, — сказала мистрис Строг. — Через нашу деревню лежит путь, по которому переселенцы направляются в Калифорнию...

— Разве нас везут в Калифорнию? — перебила ее Жанна.

— Или в Утах, — ответила мегера.

— Утах! А что это за край? — спросила Лизбет.

— Это край, в который вас отвезут.

— Зачем? — в ужасе вскричали девушки.

— Разве вы никогда не слышали об Утахе и Соленом озере?

— Никогда.

Мистрис Строг недобро улыбнулась.

— А о мормонах тоже не слыхали? — уже не сдерживая злости, спросила она.

— Слышали, что есть такие безумцы на свете, но какое же отношение они имеют...

— Самое прямое, мои милые. Мормоны живут в Утахе на берегу Соленого озера. Их могущество распространяется и на наш край. Мой муж,

мистер Джон Строг, святой последнего дня, и глаза мои наконец увидели истину. Я сподобилась стать достойной мормонкой, — произнесла она с благоговением, сделавшим бы честь служанке Тартюфа.

Это открытие вызвало у девушек ужас и отвращение. Оно оскорбило их благородные чувства и веру.

— Если вероотступничество вам по душе, тем хуже для вас, но мы-то здесь при чем? — спросила Лизбет.

— Ваши похитители вас продали мормонам. Дня через два они приедут за вами и увезут в Дезерет, прелестный город, вот увидите, — мегера упивалась своей мстостью.

— Ах! Боже мой! — вскричали девушки и заплакали навзрыд, закрыв лицо руками.

— Напрасно вы так убиваетесь, — заметила мистрис Строг. — Не вы первые, не вы последние. Сколько тут перебивало молодых девиц. С тех пор как я поселилась в этом доме! Они рыдали, ломали руки, рвали на себе волосы, клялись скорее умереть, чем выйти за мормона. Но девичьи слезы как вешний дождичек. Прошел — и сразу все высохло. Мормоны знают, как заставить жену любить себя, уж вы не сомневайтесь!

— Ни за что! Лучше смерть! Лучше самые жестокие пытки!

— Все так говорят, а через неделю смотришь — по другому запели.

— Замолчите, ради Бога! Не заставляйте нас краснеть от стыда!

— Жаль мне все же вас, — сказала мегера, выпив залпом стакан рома. — Завтра к нам пожалует преподобный отец. Поистине святой человек! Надеюсь, он вас уговорит. Он принадлежит к священному ордену Мельхиседена, одного из наиболее почитаемых наших святых; у него восемь настоящих жен, еще семнадцать духовных. Они боготворят его и вполне счастливы.

— Мистрис Строг, уже поздно, — сказала Лизбет. — Мы устали и хотим отдохнуть. Не угодно ли вам нас покинуть?

Мистрис Строг побагровела от злости.

— Уже спать! — заорала она. — Ведь только девятый час!

— Это неважно, говорю вам, что мы устали и вообще ваше присутствие нам в тягость. Поймите же!

— Ну, ну! Не сердитесь, — примирительно произнесла мистрис Строг, вставая, беря бутылку с ромом и чайник, — я ухожу. Да пошлет вам Бог добрую ночь! — открывая дверь, мегера добавила:

— Не убивайтесь, не такие уж страшные мормоны, как о них говорят. Вы будете счастливы.

Очень довольная, мегера вышла, посмеиваясь. Лизбет сразу бросилась

запирать дверь, крикнув ей вслед:

— Больше ты сюда не войдешь, гадина! — в ответ раздался хохот за дверью.

Оставшись одни, девушки обнялись и заплакали. Спасения нет — они погибли!

ГЛАВА VI. Робость — не лучшее качество женщины

С минуту Жанна и Лизбет предавались горю, хотя не полностью отдавали себе отчет в том, что их ждет. Лизбет решила разделить участь подруги.

Жанна по наивности полагала, что за нее просто хотят получить выкуп. Но сказанное хозяйкой гостиницы лишило девушек всякой надежды. Они поняли, что речь идет не о выкупе.

Их продали. И теперь Лизбет вместе с Жанной будет отдана мормонам. Хотя в планы похитителей это не входило.

Лизбет представить себе не могла, что какой-нибудь краснокожий или мормон может овладеть ею насильно и, выплакавшись, принялась утешать впавшую в отчаяние подругу.

— Не плачь, милая, — шептала Лизбет. — Еще не все потеряно. Поверь мне! И не плачь!

Но Жанна была безутешна.

— Боже мой! Боже мой! — восклицала она сквозь рыдания. — Мы погибли! Спасения нет.

— Ты поверила мистрис Строг? Но она могла и солгать!

— Нет! Эта презренная женщина сказала правду, мне сердце подсказывает. Неоткуда ждать помощи!

— Неблагодарная! Почему же неоткуда? Ведь рядом с тобой я!

— Но что ты можешь сделать, дорогая? И Бог, которому ты так горячо молишься! — У Жанны отлегло от сердца, и она с некоторой надеждой спросила:

— Услышит ли он мои мольбы?

— Он не оставит нас в беде. Мы этого не заслужили. Только не надо падать духом.

— Хотелось бы верить твоим словам, — сказала Жанна. — Но что можем сделать мы, слабые девушки, одни, в пустыне, среди врагов, которые задумали нас погубить?

— Мы многое можем сделать, — возразила Лизбет, — если не будем бояться смерти. Смерть наше последнее пристанище.

— Давай же бросимся в ее объятия!

— А ты подумала о тех, кому дорога?

— Кому дорога? — печально повторила Жанна. — Увы! Был человек, любивший меня, но он наверняка возненавидел меня, заподозрив в измене.

— Гастон не возненавидел тебя, я уверена. Не мог возненавидеть. Кто знает, в один прекрасный день...

Лизбет осеклась, чтобы не тешить подругу напрасной надеждой. Но Жанна догадалась, о чем хотела сказать Лизбет, и с живостью спросила:

— Ты что-нибудь знаешь о нем?

— Ничего не знаю.

— Так я и подумала! Он далеко и не подозревает, как я страдаю.

— Мы молоды, — продолжала Лизбет. — Мы сильны и богаты.

— Богаты? — удивилась Жанна. — Но я ничего не захватила с собой.

Ни одной драгоценности. Не успела.

— У меня с собой золото. А что мое — то твое.

— Дорогая сестра!

— Как приятно мне это слышать, бесценный мой друг... клянусь, либо мы вместе погибнем, либо я спасу тебя.

— Чем смогу я отплатить за твою доброту?

— Хватит сентиментальностей! Мы и так слишком много слез пролили. Надо действовать и спасать свою честь, чего бы это ни стоило. Ты готова?

— Конечно!

— Ничего хуже смерти с нами случиться не может!

— По крайней мере, умрем без позора, не предадим нашу святую веру!

— Да будет так! — торжественно произнесла Лизбет. — Знаешь, вместе с решимостью у меня появилась надежда. Поверь, мы с честью выйдем из борьбы. Не одни же тигры и разбойники живут на этой проклятой земле!

— Допустим! Но кто вступится за нас, несчастных девушек, чужих и неизвестных?

— Кто-нибудь, быть может, и вступится. Не надо терять надежды. Главное — не унывать и рассчитывать на собственные силы.

— Откуда они у нас?

— Ты не права. К тому же вполне возможно, что очень скоро мы встретим преданные сердца, готовые ради нас на любой риск.

— Все равно, без денег ничего сделать нельзя.

— Но у меня есть золото. Я же сказала тебе!

— Ну и что?

— Золото и отвага в этой варварской стране — достаточно, чтобы совершить невозможное. Слушайся меня, и не пройдет и часа, как мы

выйдем из этого гнусного вертепа.

— Я готова на все, даже пройти по раскаленным угольям. Можешь на меня положиться, Лизбет! В нашем роду было много отважных женщин. Они доказали это на деле.

— Решено, сестра!

Девушки обнялись. Глаза их сверкали, бледные щеки покрылись румянцем.

— Теперь, — сказала Лизбет, — посмотрим, чем мы располагаем.

— У меня есть кинжал! — вскричала Жанна.

— А у меня револьвер. Я потихоньку взяла его, не возбуждая подозрений похитителей. Еще есть порох и пули. А ты говоришь, откуда у нас силы? Не удастся бежать, убьем либо себя, либо наших врагов.

— Только бы вырваться из этой ямы!

— Кстати, у меня при себе двадцать унций... На первое время этого более чем достаточно.

— Разумеется.

— Надо раздобыть мужскую одежду. В платьях да юбках нас сразу поймут. Еще нужны лошади и съестные припасы.

— Где же мы все это достанем? — Жанна снова впала в уныние.

Каждая новая трудность ее пугала, хотя она старалась не отставать от своей энергичной подруги.

Лизбет, как могла, утешала Жанну, словно ребенка. Она перерыла в комнате все ящики и шкафы, но ничего не нашла и сказала:

— Видимо, придется купить все необходимое.

— Если бы только это было возможно, — произнесла Жанна печально.

— Не беспокойся, — ответила Лизбет. — Все раздобудем. — И плутовски улыбнулась.

— Просто удивительно, что мы до сих пор ничего не нашли.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего... слушай и смотри. Настал час.

— Какой час?

— Спасения и свободы. Я ничего тебе не говорила, чтобы не волновать. И чтобы злая колдунья по твоим глазам ничего не заподозрила.

— Боже великий! Что это значит? — прошептала Жанна.

— Ничего не бойся и позволь мне действовать!

В эту минуту скрипнул ставень и послышался легкий треск. Точно град бил по стеклам. Кто-то бросил пригоршню песка в затворенное окно, с которого Лизбет не спускала глаз.

В наступившей тишине слышно было, как бьются сердца девушек.

Жанна судорожно сжала руку подруги. Трижды повторился сигнал. Лизбет отворила окно. Жанна едва не упала в обморок.

— Крепись, милая, — обратилась к ней Лизбет. — Мы спасены.

Она выглянула в окно. В слабом свете неполной луны неподвижно стояли два человека в плащах.

— Кто там? — Едва слышно спросила Лизбет.

— Луи! — ответил один также тихо.

— Шиллер?

— Да.

— Настал час?

— Да.

Девушка с трудом сдержала готовый вырваться крик радости.

— Мы спасены, Жанна! Жанна шептала молитву.

Лизбет тихим голосом, утонувшим в шуме вечернего ветра, произнесла:

— Лизбет Тюльер ждет своего жениха.

— Надейтесь! — последовал ответ.

ГЛАВА VII. Желтая птица гонится за двумя зайцами

А теперь вернемся к нашим старым знакомым: Фрэнсису де Вердьеру и Гастону Дюфальга.

Итак, их потревожил выстрел проводника.

Пока они разговаривали с незнакомцем, охотник решил пойти на разведку и вскоре вернулся.

— Что случилось? — спросил доктор, поспешив охотнику навстречу.

— Ничего особенного, — пожал плечами, ответил охотник. — Я напал на след ночного бродяги и подстрелил ему крыло.

— Надеюсь, вы не убили его? — с беспокойством спросил доктор.

— Поклясться не могу. Темно, ничего не видно. Во всяком случае, в ближайшее время он нас не потревожит.

— Тем лучше, ну его ко всем чертям, — сказал капитан. — Вокруг все спокойно?

— Спокойно. Шпионы предупреждены и не двинутся с места. Ручаюсь. Так что можно поспать. Я не прочь, но на всякий случай не плохо бы по очереди дежурить. Мало ли что может случиться в пустыне. Впрочем, поступайте как вам угодно.

— Это верно, — согласился доктор. — Осторожность никогда не мешает. Если хотите, я подежурю до полуночи, потом кто-нибудь покараулит до четырех, последний — до рассвета.

— Я вторым подежурю, если не возражаете, — сказал охотник. — Капитан пусть дежурит последним. Согласны?

— Разумеется.

— Стало быть, решено. Доброй ночи, господа! Желтая птица снова закутался в одеяло и вскоре громко захрапел.

Молодые люди еще побеседовали, покурили, потом капитан лег спать, и на биваке воцарилась тишина.

Один доктор бодрствовал. Примерно с час сидел у костра, подперев голову рукой и о чем-то размышляя, после чего принялся ходить взад-перед, время от времени бросая взгляд на спящих.

Охотник, продолжая храпеть, открыл глаза и не спускал их с доктора.

Вдруг где-то совсем близко зашипела змея.

Доктор вздрогнул и остановился. Шипение повторилось, но совсем

тихо, почти неслышно.

Удостоверившись, что его спутники спят, доктор скрылся в кустарнике.

Охотник вскочил на ноги и с торжествующей улыбкой на лице кинулся следом за доктором. Тот шел быстро, не оборачиваясь, видно спешил на встречу. Ему и в голову не приходило, что за ним следят. Поэтому он не соблюдал особой осторожности, только старался не производить шума.

Так достиг доктор Гумбольдт-ривер. Берега в этом месте были крутые, поросшие густым кустарником. Отличное место для тайной встречи.

На берегу сидел человек. Тот самый, что два часа назад приходил к биваку.

— Я думал, вы не придете, — сказал он доктору. — Заждался.

— Напрасно упрекаете меня, любезный Густон. Путь от бивака сюда неблизкий. Надо было поближе подойти.

— Чтобы меня убил ваш проклятый канадец! Он и так ранил меня. А стрелял наугад! — Густон показал перевязанное тряпкой плечо. Тряпка вся намочена от крови. — Этот негодяй хитер, как мускусная крыса! От него не спрячешься.

— Вы думаете, он стрелял именно в вас?

— Именно в меня! Но он дорого за это заплатит. Попади он ниже, убил бы наповал. А ведь он стрелял в темноте.

— Поверьте, мне очень жаль, что так случилось, Густон.

— Что теперь жалеть. Рана легкая, слава Богу, не стоит говорить о ней. А вас я должен предупредить. Не доверяйте Желтой птице. Негодяй с вами ходит.

— Вы что-то узнали?

— Ничего не узнал. Он так ловок, что не выдаст себя. Но предчувствие меня никогда не обманывало.

— Попробую наблюдать за ним и, если что-то замечу, пристрелю как собаку!

— И правильно сделаете. А теперь поговорим о наших делах.

— Да, и, пожалуйста, побыстрее. Мне нельзя долго задерживаться. Они могут проснуться.

— Слушайте же меня. Бригам Юнг расположен к вам и сделает все, что в его силах, как обещал. Но действовать в открытую он не решается. Соединенные Штаты опять грозят нам войной. Так что у начальника и без того дел хватает. Главное — не применять насилия. Вот когда девушек перевезут в Дезерет, дело другое. Там начальник все возьмет на себя. А пока вмешиваться не хочет.

— Он так хвалился своим могуществом, а его-то у него маловато, — недовольно заметил доктор.

— Ошибаетесь, любезный! Скрытое могущество еще сильнее.

— В таком случае все в порядке!

— В вашем распоряжении десять данитов, в том числе я. Они готовы выполнить любой ваш приказ, касающийся, разумеется, данного дела. Оказывать вам помощь в случае надобности велено также старостам всех поселений. Мистер Джон Строг в любую минуту готов отправить девиц в Фильмор.

— Разве девушки уже у Джона Строга? Вы уверены в этом?

— Видел их собственными глазами, — заявил Густон, оскорбленный недоверием доктора.

— Все как будто идет хорошо.

— Вы довольны?

— Разумеется.

— Вот и прекрасно! Что вы теперь намерены делать?

— Еще не знаю. Главное, чтобы девушек увезли к тому времени, когда я со своими спутниками прибуду к мистеру Строгу.

— Допустим, их отправят, что дальше?

— Кажется, все.

— А ваш спутник?

— Я не решаюсь от него избавиться, бедняга вообразил меня своим другом.

— В таком важном деле нельзя колебаться. Вы можете проиграть. Если все откроется, он вас не пощадит.

— Мне не хотелось бы пролить кровь.

— Тогда я это возьму на себя. Мы похитим его, и все.

— Только смотрите, чтобы ни единый волос не упал с его головы! Обещаете?

— Обещаю. Не пойму только, почему вы так беспокоитесь?

— Он такой добрый и такой доверчивый! Хватит и того, что я отнял у него невесту. В иные минуты я чувствую угрызения совести.

— Но если при похищении он станет сопротивляться и завяжется драка?

— Ваше право обороняться.

— Я все понял, — рассмеялся Густон. — Вы умываете руки.

— Только не забывайте своего обещания!

— Кстати, Бригам Юнг нуждается в деньгах. Вы обяжете его, если...

— Вот письмо. Передайте ему, — перебил Густона доктор, доставая из

кармана конверт. Густон схватил его и сказал:

— Стало быть, все как договорились?

— Когда мы снова увидимся и где именно?

— У Джона Строга, чем скорее, тем лучше. Время — деньги.

— Хорошо. Где остальные даниты?

— В трех милях отсюда, расположились на крутом берегу реки.

— Вам надо быть с ними. Они могут понадобиться.

— Не беспокойтесь!

— Вам нынче не повезло, мой бедный друг.

— Все ваш чертов проводник... но я рассчитуюсь с ним. Пусть лучше не попадается в руки данитов.

— Почему же?

— Его все ненавидят. Напрасно вы взяли его в проводники. Это из-за него на вас напали шошонесы.

— Но мы с капитаном их проучили, — рассмеялся доктор. — Впрочем, не подоспей Желтая птица, нам, пожалуй, пришлось бы туго. Он просто молодец!

— О! В храбрости ему не откажешь! И в ловкости тоже. Но он тверд как скала. Сам не запросит пощады и врага не помилует. Закон пустыни для него свят. Попадись он мне, я с ним быстро разделаюсь!

— Дело ваше, только пусть прежде доведет нас до места, — прибавил доктор и улыбнулся.

— Согласен. Он все равно не ускользнет от меня. Краснокожие готовы его растерзать!

— За что?

— Им здорово досталось в схватке с вами.

— Сами виноваты. Мы не нападали на них.

— Разумеется. Но для них это не имеет значения. Главное, что они пострадали. Пять человек убиты и восемь ранены.

— А ведь это дело рук Желтой птицы.

— Шошонесы жаждут мести.

— Вы разве видите с ними?

— Конечно!

— Подогревайте их «нежные» чувства к охотнику. Это может нам пригодиться.

— Постараюсь.

— Вам больше нечего мне сказать?

— Нечего, доктор.

— Тогда мне пора. Поздно уже. С этим проклятым проводником надо

вечно быть начеку. Вдруг он проснется? Придется как-то объяснять причину моего ухода. А врать я не люблю. Это бесполезно.

— Послушайте моего совета и следите за ним.

— Не буду спускать с него глаз. До свидания.

— До скорого свидания!

Они обменялись рукопожатием, и доктор пошел назад к биваку.

— У меня еще достаточно времени, — сказал вслух данит, оставшись один. — Посплю немного, это придаст мне силы.

Но не успел он опомниться, как кто-то придавил ему грудь коленом так, что он не мог двинуться с места.

— Ты проспишь дольше, чем рассчитывал, подлец, — насмешливо шепнул Желтая птица.

Данит задрожал, он понял, что погиб, и тут же подумал, что сам поступил бы точно так же.

— Славно сыграно, — сказал данит.

— В таких делах ты мастак, — посмеиваясь, ответил охотник.

— Ты на смерть меня осудил?

— На смерть.

— Могу я выкупить свою жизнь?

— Нет!

— Так убивай, но я буду отомщен.

— Может быть. Ты готов? — спросил охотник с убийственным хладнокровием.

— Готов, — ответил данит.

— Так умри же! — вскричал канадец, вонзив в грудь даниту нож по самую рукоятку.

— Будь ты проклят!.. — произнес данит. Это были его последние слова.

— Одним меньше. Теперь их девять осталось, — пробормотал охотник. — Вы поклялись уничтожить меня! Что ж, посмотрим, кто кого!

Он взял все бумаги, что были у данита, завернул тело в плащ вместе с несколькими увесистыми камнями, крепко-накрепко связал веревкой и осторожно, без шума спустил в реку.

— Ступай ко всем чертям, — весело вскричал охотник, — и оставайся навсегда в преисподней!

Когда доктор вернулся к биваку, капитан и охотник крепко спали.

«Все обошлось», — подумал доктор, присаживаясь к костру и закуривая сигару.

Минуту спустя он взглянул на канадца.

«Густон ошибается. Пожалуй, охотник не так хитер, как он думает. Но осторожность никогда не мешает. Надо за ним последить».

В полночь, согласно уговору, доктор разбудил канадца.

— Уже пора? — спросил тот, зевая.

— Вы, кажется, хорошо спали.

— Признаться, да. Я очень устал.

— Верю, день был трудным для всех.

— Для меня особенно.

— Это верно. Знаете, что я подумал? Намне надо торопиться.

— Мне, безусловно, не надо.

— Вы нами довольны?

— Доволен. Платите хорошо, обхождение вежливое, только и остается желать, чтобы путешествие длилось вечно.

— А вы, оказывается, неприхотливы, — рассмеялся доктор.

— Мы идем к Соленому озеру?

— Да. Но проведем там не больше недели. Мормоны, говорят, не жалуют чужестранцев.

— Тем более сейчас, когда им грозит война с Соединенными Штатами. В каждом путешественнике они подозревают шпиона.

— Черт возьми! Я не думал об этом. Не изменить ли маршрут? С мормонами шутки плохи. Того и гляди начнут линчевать.

— Все это верно, но люди они честные.

— Надо переговорить с Дюфальга.

— Вот вы сейчас сказали, что нам не надо торопиться. А почему? — спросил простодушно канадец.

— Потому что хорошо бы здесь поохотиться. Места холмистые и красивые, и дичи наверняка в изобилии. Может, задержимся на денек? Дадим лошадям отдохнуть?

— Я не стал бы лезть со своими советами, но раз вы спрашиваете, скажу откровенно: вы поступаете опрометчиво, — ответил Желтая птица, озадачив доктора.

— Опрометчиво? — удивился доктор.

— Ну да! Место здесь открытое и в случае нападения защищаться будет трудно.

— Не всякий же день бывают нападения!

— Кто знает. Мы во владениях воинственных племен, а они белых ненавидят.

— Мы хорошо вооружены и вполне можем выдержать натиск, что уже доказали на деле.

— Поступайте, как знаете. Мне все равно.

— Итак, решено, мы остаемся.

— Моим долгом было предупредить вас.

— Что вы и сделали. Во всяком случае, упрекать вас никто не будет.

Счастливого вам дежурства!

— А вам хорошего сна, доктор!

Вердьер растянулся на земле и тотчас уснул. На заре капитан открыл глаза.

— Уже светло! Почему же ты меня не разбудил? — вскочив, спросил он Желтую птицу.

— Мне жалко было вас будить. Вы так сладко спали, сударь, — ответил охотник.

— Спасибо вам, любезный друг, но вы совсем не спали.

— Не беда. Днем высплюсь! Ведь мы остаемся.

— Остаемся? — вскричал капитан. — Почему?

— Доктор сказал, что не надо спешить. Надо дать лошадям отдохнуть, а заодно и поохотиться.

— Что же. Мысль славная!

— Вам нравится?

— Вы, я смотрю, в духе сегодня...

— Правда, сам не знаю, с чего бы это.

— Мне надо вам кое-что сказать!

— Говорите, любезный друг.

— Не теперь, с вашего позволения. Нас может услышать доктор, если проснется!

Дюфальга удивленно взглянул на канадца.

— Верно вам говорю, капитан, — ответил тот, подмигнув.

— Как вам будет угодно.

— Поговорим, когда доктор отправится на охоту.

— Согласен!

— Главное, чтобы доктор не догадался.

— Так это тайна? — улыбаясь, спросил молодой человек. — И что, важная?

— Да, капитан, очень важная, особенно для вас, — ответил канадец тоном, заставившим капитана насторожиться.

— А теперь я пойду поить лошадей. Не забывайте, что я вам ничего не говорил и разбудил в четыре часа.

— К чему такие предосторожности?

— Узнаете. Наберитесь терпения.

Охотник ушел, а Дюфальга, сильно взволнованный, сел у костра и стал размышлять. «Что значат слова охотника? Что за тайну хочет он сообщить?»

Напрасно ломал голову капитан.

Тем временем охотник привел лошадей с водопоя, и доктор проснулся от топота копыт.

Он пожелал капитану доброго утра и спросил, как дежурил ось.

— Прекрасно! — ответил Гастон. — Пора отправляться однако.

— Вы очень спешите? — осведомился доктор, потягиваясь.

— Почему вы спрашиваете?

— Просто мне хотелось бы здесь остаться на денек, если, конечно, вы не против.

— Охотно останусь, милейший Фрэнсис, тем более, что здесь нам удалось победить краснокожих. Сейчас пойду и подстрелю парочку птиц к завтраку, чтобы вы не сомневались в моем желании остаться.

— Вы прекрасный спутник! Идите же, а потом я пойду, позабочусь об обеде. Возвращайтесь скорее.

— Вот и прекрасно! Задайте лошадям корм, — обратился капитан к Желтой птице, — и начинайте готовить завтрак.

— Счастливой охоты, — сказал Вердьер.

— Постараюсь вернуться с добычей, любезный доктор! Молодой человек взял ружье и, широко шагая, ушел. Доктор лег и притворился спящим, чтобы избежать всяких разговоров с охотником.

Желтая птица принялся готовить завтрак.

Капитан вернулся только к девяти часам. Принес двух тетеревов и зайца. Это было больше чем достаточно к завтраку.

Доктор тем временем занялся своими путевыми заметками.

Спустя полчаса все трое весело завтракали, как самые лучшие друзья.

Но каждый думал о своем.

Доктор о том, как избавиться от обоих спутников, капитан о тайне, которую ему собирался открыть проводник. Оба старались ничем не выдать себя.

Желтая птица, несмотря на внешнее спокойствие и предупредительность, горел нетерпением разоблачить доктора.

Везде, где есть люди, бушуют страсти и процветает коварство. И в городах, и в пустыне.

И доктор, и проводник поступали коварно. Только у доктора была цель постыдная, низкая, а у охотника — благородная.

ГЛАВА VIII. Любовь побеждает месть

Как и было условлено, только спала жара, часов около трех пополудни, доктор взял ружье и отправился поохотиться, сказав, что вернется часам к пяти, не раньше. Капитан лег отдохнуть, а проводник сделал вид, будто возится с конской сбруей. Но едва доктор скрылся из виду, охотник поспешил за ним. Он хотел убедиться, что доктор на сей раз не хитрил, он и в самом деле отправился на охоту. И проводник очень быстро вернулся. Он подошел к палатке, где отдыхал капитан. Едва завидев проводника, Гастон спросил:

— Теперь мы одни?

— Совершенно одни, капитан, — ответил проводник со свойственной ему насмешливой улыбкой. — Доктор пошел охотиться. Слышите выстрел? Видно, придет с добычей. Сказал, что раньше пяти не вернется, так что два часа у нас есть.

— Я слушаю вас, любезный. Можете рассчитывать на мою помощь, если она вам понадобится.

Охотник покачал головой.

— Благодарю, капитан, но к делу, о котором я собираюсь вам рассказать, я не причастен. Речь пойдет только о вас.

— Обо мне? — вскричал молодой человек.

— Да, капитан, о вас!

— Ничего не понимаю.

— Но я и хочу все объяснить. Чтобы вы не оставались в неведении.

Он достал из кармана бумаги, взятые ночью у убитого им данита, и протянул капитану.

— Прежде всего, потрудитесь взглянуть на эти бумаги.

Потом я вам расскажу, как они попали ко мне.

— Что это? — спросил капитан, машинально беря бумаги.

— Прочтите, — ответил охотник. Воцарилось молчание.

Пока капитан просматривал бумаги, охотник стоял в своей обычной позе, опираясь на дуло винтовки, и ждал.

Наконец капитан все прочел и вопросительно посмотрел на проводника.

— Значит, человек, которого я считал своим другом, предатель?

— Вы еще сомневаетесь в этом? — охотник пожал плечами.

— Пока сомневаюсь. Ибо не вижу ни причины, ни цели предательства.

— Именно пока, — возразил охотник. — Со временем увидите.

— Возможно. Мы познакомились с доктором в Сан-Франциско совершенно случайно. И подружились, что совершенно естественно для соотечественников, встретившихся в чужом краю, имеющих к тому же одинаковое социальное положение и вкусы. Общих интересов у нас нет, мы ничего не знаем о делах друг друга. С какой же стати он станет вредить мне?

— Дело в том, — произнес охотник, — что доктор давно и хорошо осведомлен обо всем, что касается вас.

— Ошибаетесь, приятель, до встречи в Сан-Франциско я понятия о нем не имел.

— Выслушайте меня, сударь, — сказал канадец с улыбкой, — мне велено предупредить вас о грозящей опасности, и я давно сделал бы это, если бы друг ваш, — охотник сделал ударение на последних словах, — не следил за мной.

— Вы изумляете меня все больше и больше. То, что вы говорите, для меня настоящая шарада. Объясните же, Бога ради, в чем дело.

— Не знаю, капитан, почему мои слова вы воспринимаете как шараду, дело не такое уж сложное, а за достоверность каждой его подробности я ручаюсь.

— Прежде всего, хочу сказать, что полностью вам доверяю, несмотря на недоброжелательность к вам доктора и считаю вас человеком порядочным.

— Благодарю, сударь. Вскоре вы сможете убедиться, что не ошиблись во мне. Когда вы решили отправиться в страну мормонов и стали искать проводника, человек, которому я многим обязан, приказал мне предложить вам свои услуги. Надеюсь, вы не забыли, что я готов был на любые условия.

— Кто же этот человек, о котором вы говорите?

— Ваш лучший друг, капитан, только мне пока запрещено называть его имя.

— Что это еще за таинственный друг, да еще в такой стране, где я никого не знаю!

— Вы не знаете, зато вас многие знают, доказательства я вам приведу неопровержимые в нескольких словах, потому что времени терять нельзя. Вашу невесту похитили. В отчаянии вы едва не покончили с собой. Вас удержал друг, который поклялся найти вашу невесту и разоблачить похитителей. Так это или не так, капитан?

Молодой человек вскочил, весь дрожа, побледнел и смотрел на

охотника безумным невидящим взглядом.

— Да, все это правда, — прошептал капитан точно во сне. — Я проехал всю Францию в поисках моей возлюбленной, потом бросился в Америку — все напрасно. Продолжать борьбу с неизвестностью — просто безумие. Зачем вы разбередили рану в моей душе? Зачем напомнили о моем бессилии? Кто вы? Друг или посланец тех, кто вверг меня в пучину страданий? Но очень скоро я доставлю радость моим врагам, покончив счеты с жизнью.

— Нет, капитан, вы поклялись не делать этого и свое слово сдержите. Я сказал все откровенно, чтобы впредь не возникало между нами недоразумений. Вы должны полностью доверять мне. Не настолько я подлый, чтобы забавы ради беречь вашу рану. Да, я растравил вашу душу, зато влил в нее целительный бальзам надежды.

— Надежды? — вскричал Гастон, вне себя от волнения. — Да кто же вы?

— Я бедный невежественный охотник! Но у меня есть сердце, я честен, а главное — предан вам душой.

— Я верю вам, должен верить, — ответил молодой человек, с чувством благодарности протягивая канадцу руку. — Но я сбит с толку и ничего не понимаю. Скажите, откуда вам известна моя история?

— Пусть тот, кто послал меня к вам, сам все расскажет, когда придет срок. Это ему будет приятно. А я дал клятву не раскрывать его имени. И не нарушу ее.

— Хорошо, не буду настаивать, — приуныв, сказал молодой человек. — Но тогда назовите мне хотя бы имя врага, и я буду признателен вам до конца жизни.

— Это легко исполнить, капитан, — ответил охотник.

— Так кто же он?

— Фрэнсис де Вердьер.

— Фрэнсис де Вердьер? — в ужасе вскричал капитан. — Не может этого быть!

— Но именно он похитил вашу невесту Жанну де Меркер. Он один виновник всех ваших страданий!

— Какая гнусность. Но, видимо, это так. Признаться, человек этот внушал мне безотчетное отвращение, сколько ни силился я обманывать самого себя. Он ненавидит меня! Дайте же мне скорее доказательства его коварства.

— Разве того, что у вас в руках, недостаточно? Эти бумаги, капитан, я взял у убитого мною данита, сообщника доктора.

— Наконец-то у меня открылись глаза! — воскликнул Гастон. — Наконец-то я знаю подлеца, который меня обманул! Я должен ему отомстить, если даже это будет стоить мне жизни!

— Седлайте скорее лошадей! — приказал он. Желтая птица молча повиновался.

Лошади были оседланы мигом, и капитан вскочил в седло.

Охотник последовал его примеру.

— Куда мы едем? — спросил он.

— Куда мы едем? — словно эхо повторил капитан и тут же добавил:

— Я должен убить подлеца, который отнял у меня счастье. Канадец взял Гастона за руку.

— Это вы всегда успеете, капитан, — сказал он. — Его час еще не пробил. У вас есть более важное дело.

— Я хочу отомстить... другой цели у меня нет!

— Ручаюсь, капитан, ваша месть — впереди! Но вы не должны поступать, как безумец! Быть может, ваш враг начеку, или же за кустами шпионы, которые следят за каждым вашим движением.

— Мне все равно! — вскричал Гастон, вырывая руку, которую держал охотник. — Только убить его!

— Вы и в самом деле обезумели! Надо наказать доктора, когда он будет в вашей власти, сделать его таким же несчастным, каким он хотел сделать вас.

— Вы правы. Но как этого достичь?

— Слушайте моих советов, и я ручаюсь вам за успех. Охотник спешил, навьючил на лошака свои вещи и багаж капитана.

— Что вы делаете? — спросил капитан.

— Как видите, готовлюсь к отъезду.

— Нет, — сказал Гастон, — я не поеду, я дождусь этого негодяя и, клянусь Богом!.. Он...

— Когда он вернется, мы будем уже далеко, — смеясь, перебил капитана охотник. — Вот все и готово, — добавил он, садясь на лошадь и не выпуская из рук повода лошака.

— Повторяю вам, ничто не заставит меня уехать отсюда!

— Вы не измените своего решения? — спокойно спросил Желтая птица.

— Не изменю!

— Но пока мы теряем здесь время, вы можете навсегда потерять вашу невесту! Впрочем, я не настаиваю, капитан. Вы можете поступать как вам угодно.

— Что вы хотите сказать? — вскричал молодой человек. — Что я потеряю?

— Что ваша невеста не более как в десяти милях отсюда, зовет вас на помощь, а вы не желаете ехать!

— Я не желаю ехать? Жанна так близко, а я не хочу ее спасти? Едем же, только быстрее! Чтобы не опоздать!

— Не опоздаем, если вы будете повиноваться мне.

— Клянусь! — вскричал Гастон, обезумев от радости. Они помчались во весь опор и вскоре скрылись в зарослях.

На биваке никого не осталось.

ГЛАВА IX. Долой маску! Я объявляю ему войну!

Тем временем, ничего не подозревая, Вердьер углубился в лес.

Он охотился без всякого увлечения, поглощенный своими честолюбивыми планами, и не замечал птиц, пролетающих у самых его ног и прямо над головой.

Доктор и представить себе не мог, что произошло на биваке. Он был уверен в своих сообщниках и мысли не допускал о возможном провале. Тем более, что постоянно находился в обществе Гастона, следил за каждым его словом, за каждым движением, ни днем ни ночью не спуская с него глаз. В общем, он был уверен в полном неведении капитана, ставшего жертвой его интриг.

Смущал доктора только Желтая птица, он был, как говорится, единственным облачком на его небосклоне. Из головы не шли предостережения данита.

В то же время Желтая птица не давал ни малейшего повода для подозрений, казалось, он ко всему равнодушен, кроме своих обязанностей, и доктор, при всей своей хитрости, позволил себя провести, перестал строго следить за проводником.

Итак, доктор спокойно охотился, когда вдруг услышал громкий топот приближавшихся лошадей.

— Черт возьми! — пробормотал Вердьер, подумав, что это индейцы-грабители. — На всякий случай лучше спрятаться.

Он добежал до реки и укрылся за огромным, наполовину потопленным стволом. Заменяв в ружье дробь на пули, доктор приготовился к обороне.

Вскоре показались всадники.

Доктор едва не вскрикнул от изумления, увидев, что это вовсе не индейцы, а мормоны, вооруженные винтовками. Всадники были совсем близко к тому месту, где укрылся доктор, они осадили лошадей и стали что-то оживленно обсуждать.

— Что за чудеса, — произнес доктор, имевший привычку излагать свои мысли вслух, — ведь это мои ребята! На кой черт они здесь шныряют и почему нет с ними Густона?

Доктор свистнул, это был условный знак. Всадники сразу умолкли и огляделись. Доктор вышел из своего укрытия и пошел к всадникам.

— Я рад, господа, видеть вас, — сказал доктор, отвечая на поклоны. — Но почему вы здесь?

— Вас ищем, сударь, — ответил один из всадников.

— Меня, Джек Стаунтон? Ну вот, вы нашли меня. Чем могу быть полезен? Но прежде скажите, почему с вами нет Густона?

— Он мертв, доктор.

— Мертв? Густон? Уж не бредите ли вы, Джек?

— Нет, доктор. Густон мертв, говорю вам. Мы нашли его труп в воде, по ту сторону мыса.

— Странно! Как мог он утонуть?

— Он не утонул, доктор, его убили.

— Убили?

— Утром прискакала его лошадь с порванной сбруей, мы тотчас заподозрили неладное и отправились на поиски, и, как я уже докладывал вам, нашли тело нашего бедного товарища. Он убит ударом кинжала в грудь. Должно быть, убийца подкрался сзади.

Лицо доктора покрылось смертельной бледностью.

— К тому же, — продолжал Джек Стаунтон, — исчезли все бумаги, бывшие при нем. Их, видимо, похитили.

— Все ясно, — вскричал доктор, ударив себя по лбу. — Нас предали. Лошадь! Скорее!

Один из всадников подвел к доктору лошадь Густона.

Доктор вскочил в седло.

— Следуйте за мной! — крикнул он и пустил лошадь во весь опор.

Всадники помчались за ним.

Не прошло и четверти часа, как они прискакали к биваку.

Вердьер огляделся и понял все.

— Уехали! — вскричал он, осененный страшной догадкой. — Да будет так! Значит, ему суждено умереть! Долой маску! Я объявляю ему войну!

Даниты, пораженные, стояли, не в силах слова вымолвить. Они приехали убивать тайно, а не сражаться в открытую.

— Всем спешиться, — приказал Вердьер. — Будем держать совет. Война! Только война! И никакой пощады! И да поможет нам черт!

ГЛАВА X. Король золотых приисков призывает подданных к порядку

Итак, Луи и Пьер, заключив сделку с мистером Строгом, никем не замеченные, покинули гостиницу.

Ночь выдалась темная и холодная. Лишь изредка из-за облаков лениво выглядывала луна, чтобы тотчас же снова скрыться. Ветер уныло шумел в деревьях.

— Где ваша лошадь, Луи? — спросил Пьер.

— Шагах в десяти отсюда.

— Она не загнана?

— Нет! Может скакать сколько угодно, ручаюсь! Они прошли немного и увидели лошадь Луи.

— Место выбрано подходящее, — сказал Пьер и, привязав свою лошадь рядом с лошадью друга, спросил:

— Оружие у вас наготове?

— Да, как обычно.

— Вы решились на все?

— На все. Но что вы собираетесь предпринять?

— Сейчас увидите. Делайте то, что буду делать я. Главное — не отходите ни на шаг. Что бы ни случилось.

— Не беспокойтесь. Я исполню все, что вы скажете.

— Из гостиницы мы ушли незамеченными, а сейчас вернемся и, клянусь вам, окажемся в центре внимания.

— Совершим какое-нибудь безумство? — Луи усмехнулся.

— В этом краю только так можно достичь успеха. Пойдемте же быстрее!

Они направились к гостинице, где веселье было еще в разгаре.

На пороге Пьер постоял с минуту, затем поднес к губам серебряный свисток и изо всех сил свистнул.

Словно гром грянул среди ясного неба. Бродяги прекратили игру, опустили на стол наполненные вином стаканы и, словно по команде, повернулись к дверям. И вдруг в воцарившуюся тишину ворвался крик:

— Король золотых приисков!

Радости бродяг не было предела, хотя некоторые оцепенели от ужаса.

Еще немного и бродяги подхватили бы Пьера и понесли на руках, но

он повелительным жестом пригвоздил их к месту, шагнул вперед и, скрестив руки на груди, с гордо поднятой головой и презрительной улыбкой на губах произнес:

— Как же так, господа? Я напрасно ждал вас в Пало Верде, куда вы должны были явиться накануне к вечеру!

Бродяги виновато опустили головы, а Пьер продолжал:

— Вы обманули меня, негодяи! Обманули, чтобы ограбить...

Среди бродяг поднялся ропот. Они, казалось, готовы были броситься на человека, осмелившегося вступить с ними в борьбу.

Пьер презрительно усмехнулся:

— Вы подлые трусы и воры! Не довольствуясь грабежом, вы пытались избавиться от меня, убить, не дерзнув напасть открыто. Посмейте отрицать это! В меня дважды стреляли из-за куста. Ей богу! Но вы будете наказаны. Надо покончить с вами, мерзавцы!

Пьер, спокойно достал из-за пояса револьвер, взвел курок.

Луи последовал его примеру.

Однако разбойники, выйдя из оцепенения и устыдившись своей трусости, схватились за ножи и заорали:

— Смерть Королю золотых приисков! Смерть его товарищу! — и бросились вперед.

Грянули два выстрела, и двое бродяг были убиты наповал.

Разбойники пришли в замешательство.

Пьер перешагнул через убитых и спокойно пошел на разбойников, а те, глухо ворча, постепенно, шаг за шагом отступали, дрожа под магнетическим взглядом Пьера.

Луи, оставаясь у двери и держа револьвер наготове, с восторгом наблюдал за происходящим, явно не понимая, какой страшной опасности подвергался Пьер да и он сам.

А может быть и понимал, но не дорожил жизнью. Ведь стоило бродягам опомниться — и обоим смельчакам пришел бы конец.

— Кто нынче утром стрелял в меня? — спросил Пьер. Никто не ответил. Пьер повторил вопрос.

Один из бродяг вышел вперед и сказал:

— Они лежат у ваших ног. Сами того не зная, вы их покарали. Чего же еще от нас требуете? Мы признаем свою вину и просим прощения. Верно я говорю? — обернулся он к остальным бродягам.

— Да, да! Правосудие свершилось.

— Возможно, вы правы, — заметил король с улыбкой. — Но это еще не все.

— Говорите, дон Педро. — Так называли Пьера бродяги. — Мы готовы выслушать вас.

Бродяги, лежавшие на полу, корчились в предсмертных муках, но никто к ним не подошел, так велик был страх перед Королем золотых приисков.

Какое-то время Пьер размышлял, наконец, поднял голову и медленно произнес:

— Я хочу знать имена подлецов, которые склонили вас к предательству. — Пьер вынул из кармана часы и с невозмутимым видом добавил:

— Даю на размышление пять минут. Через пять минут вы должны мне их выдать, связанных по рукам и ногам.

— Если мы выполним ваше требование, дон Педро, — произнес бродяга, тот, что говорил от имени остальных, — вы нас простите?

— Возможно!

— Не бросите нас?

— Если беспрекословно и быстро выполните мое справедливое требование.

Дав понять, что дальнейшие переговоры бесполезны, Пьер повернулся и медленными шагами пошел к Луи, все еще неподвижно стоявшему у двери, закурил и стал ждать.

Расчет у Пьера был точный.

Бродяги собрались в углу залы, минуты три-четыре посовещались, завязавшаяся было борьба длилась не больше мгновения, и пять человек были связаны, несмотря на отчаянное сопротивление.

Их подтащили к Пьеру и бросили к его ногам. Ни единый мускул не дрогнул в лице Короля золотых приисков.

— Правосудие совершено, — сказал все тот же бродяга. — Вот они, предатели!

Пьер устремил на изменников презрительный взгляд и спросил:

— Кто они, эти люди?

— Мормоны, — ответили в один голос бродяги.

— Мормоны! — вскричал Пьер с гневом. — И вы настолько глупы, что повинуетесь этим презренным грабителям? Их отовсюду изгнали. Теперь они нашли пристанище в нашей стране и отнимают богатства у вас, первых поселенцев края!

— Мы совершили ошибку, дон Педро, — произнес уже другой бродяга, — и очень виноваты перед вами. Бог наградил вас бесценным даром находить скрытые в недрах земли сокровища, а вы отдаете их нам,

оставляя себе ничтожную долю.

— Простите нас, дон Педро! — вскричали бродяги. Человек тридцать с лихорадочным блеском в глазах окружили Пьера, обнажили головы и склонились в смиренном поклоне.

Зрелище было поистине впечатляющее.

Золотоискатели — люди необыкновенные. Они способны с первого взгляда обнаруживать золотые жилы.

Тем, кто путешествует по Америке, золотоискатели часто встречаются. Они всегда в пути. Таково, видимо, их предназначение свыше — извлекать из земли скрытые в ней богатства. Кажется, будто золото их влечет своей волшебной силой.

Не алчность движет золотоискателями. Они любят красоту золота, сверкающего на солнце, но отдают его другим, презирая страсть к наживе. Себе же оставляют так мало, что живут в бедности.

Следует сказать, что золотоискатели, или гамбучино, как их называют в тех местах, внушают людям суеверный страх. Им кажется, что так же легко, как гамбучино находят золото, они могут заставить его исчезнуть.

Пьер, или дон Педро, был во времена, к которым относится наш рассказ, одним из знаменитейших золотоискателей в Калифорнии, Орегоне и бассейне Утаха, о нем ходили легенды и недаром обладал он такой властью над этими грубыми примитивными людьми. Слава о нем гремела, богатства, открытые им были неисчислимы. Рудокопы прозвали его Королем золотых приисков и никогда не называли иначе между собой.

Необходимо было дать это краткое объяснение, чтобы читатель понял, какую власть Пьер имел над всеми этими людьми и почему без труда оказался победителем в затеянной им безумной борьбе одного против всех...

С минуту Пьер наслаждался своим торжеством, хотя виду не подавал, оставаясь хладнокровным и невозмутимым.

Бродяги с волнением ждали решения дона Педро.

Наконец, обведя всех взглядом, он заговорил:

— Глупцы! Позволяете себя морочить подобным негодьям! Поистине мой гнев справедлив! Вы заслужили его!

— Повесить их? — робко спросил один из бродяг.

— Нет! Они не стоят даже веревки! Поднимите их на ноги.

Мормоны с облегчением вздохнули. У них появилась надежда на пощаду.

— Развяжите их, верните оружие и лошадей, если они у них есть.

Приказ был мгновенно выполнен.

— Уезжайте, — сказал Пьер. — Но смотрите, не попадайтесь мне больше. Второй раз пощады не будет.

Мормоны, не веря своим ушам, поклонились и покинули залу. Вслед им неслись ругательства и проклятия.

Тела убитых бродяг вытащили вон и бросили под деревом на съедение хищным птицам.

— Могу я на вас рассчитывать? Не предадите на сей раз? — спросил Пьер у бродяг.

— Приказывайте, мы готовы повиноваться.

Пьер знал, что с этой минуты бродяги преданы ему душой и телом.

— Чтобы никаких неожиданностей, — предупредил он. — Мне понадобится ваша помощь в течение месяца. Если я останусь вами доволен, считайте, что Пало Верде принадлежит вам. Я не возьму ни крупицы золота! Согласны?

— Согласны! Согласны!

— Вот и прекрасно! Джое Смит, отберите пять человек, пусть отправятся в Пало Верде и начинают работать, пока нас не будет, чтобы закрепить жилу за нами. Прибыть туда надо до восхода солнца. Чужих не пускайте. В крайнем случае, припугните моим именем.

Джое Смит, рослый детина с грубыми чертами лица и косыми глазами, стал тотчас же выполнять приказ.

Спустя минут десять пятеро бродяг попрощались с Королем золотых приисков и покинули гостиницу.

ГЛАВА XI. Последняя амазонка

Луи смотрел на друга с нескрываемым любопытством и восхищением.

Он видел, с какой легкостью Пьер рисковал жизнью, как повиновались ему поверженные в страх бродяги, жестокие, словно дикие звери, и невольно начинал верить в успех начатого ими дела.

В доме мистера Строга еще оставалось человек двадцать отъявленных негодяев, свирепых и диких, как краснокожие, способных только на зло и лишь изредка на добро.

— Ну! — шепнул Пьер другу. — Дело как будто идет на лад.

— Вижу, — ответил тот. — Но, признаться, ничего не понимаю... не в силах постичь.

— Терпение! — перебил его Пьер с загадочной улыбкой. — Я ведь не ребенок и знаю, что делаю. Так что отбрось свои сомнения. — А вы, ребята, — обратился он к бродягам, — седлайте лошадей и скачите к бухте, через четверть часа я буду там. Кстати, проверьте свое оружие, оно может понадобиться. А вы, Гэри Колт, заверните мимоходом в деревню шошонесов и постарайтесь узнать, не замышляют ли они что-нибудь против нас? Некоторые из находившихся здесь воспользовались суматохой и улизнули. Хотелось бы знать, на чьей они стороне, нашей или наших врагов.

— Это нетрудно сделать, — во весь рот улыбнулся Гэри Колт.

— Только будьте осторожны! Ступайте! А Джое Смит и Перико останутся здесь. Они мне понадобятся.

Бродяги поклонились и без лишних слов вышли из залы. Остались Джое Смит и Перико.

— Теперь мы потолкуем с вами, мистер Строг, — обратился Пьер к хозяину гостиницы.

— К вашим услугам, сеньор, — ответил с поклоном хозяин, сильно встревоженный таким оборотом дела, но вынужденный молчать, поскольку получил щедрое вознаграждение.

— Слушайте меня внимательно, — продолжал Пьер, — и примите мои слова к сведению. А главное, не заставляйте повторять дважды то, что я вам скажу.

— Я весь внимание, сеньор.

— Во-первых, приятель, — начал Пьер насмешливым тоном. — Я хочу вас заверить, что никогда не поссорю вас с вашими друзьями и

единоверцами. Ведь неизвестно, что может случиться в будущем, необходимо оградить вас от всяких обвинений. Надеюсь, вы меня поняли?

— Вполне, сеньор.

— Итак, вы дадите себя связать и слуг ваших тоже?

— Связать! — вскричал хозяин, пятась назад. — Связать, как мошенника!

— Разумеется, если вы не хотите прослыть нашим сообщником. В этом случае ваши друзья быстро расправятся с вами. Повесят вас на первом же суку.

— Справедливо, сеньор. Я согласен, пусть меня свяжут, если вам так угодно.

— Я вижу, вы поняли меня с полуслова. Кто есть еще в доме, кроме известных вам двух дам? Отвечайте правду. Иначе вам не поздоровится!

— Никого больше нет, сеньор, — ответил хозяин. Все его тучное тело тряслось от страха.

— Никого? Вы уверены?

— Само собой, только мистрис Строг, моя половина.

— Хорошо, попросите ее сойти вниз.

— Не знаю, захочет ли она...

— Это необходимо.

Хозяин подавил вздох, но, поняв, что всякое сопротивление не только бесполезно, но и опасно, повиновался и через несколько минут вернулся вместе с мистрис Строг.

Супруга достойнейшего мистера Строга едва держалась на ногах не то от волнения, не то от выпитого чая с ромом, точнее от рома с чаем, а может быть, и от того, и от другого. Во всяком случае, не от страха.

— Что вы собираетесь со мной делать? — вскричала мегера трагическим тоном, насмешив всех присутствующих.

Вся красная, скорее от выпитого рома, чем от оскорбленной невинности, мистрис Строг продолжала:

— Я честная женщина и никто кроме мистера Строга, моего достойнейшего супруга, не позволял себе...

— Успокойтесь, мистрис Строг, — вежливо произнес Пьер, — мы не собираемся оскорблять вас.

— Слава Богу!

— Никто без всякой на то причины не проявит неуважения к вам, любезная мистрис Строг.

— О! Тут я совершенно спокойна...

— В самом деле?

— Я сама сумею защитить свою честь, если тот, чье имя я ношу, не сможет этого сделать.

Храбрая мистрис Строг была мастерица говорить под влиянием винных паров.

В этот же вечер она была особенно красноречива, ибо хотела излить свою обиду на оскорбивших ее дерзких девушек — Жанну и Лизбет.

Вдруг она заметила, что трубка ее погасла.

— Клянусь Богом! Я забыла наверху мой кисет. Мистер Строг, дорогой мой, будьте так любезны, сходите за ним. Я буду вам бесконечно признательна.

Мистер Строг уже хотел выполнить просьбу жены, но Пьер взглядом приказал ему оставаться на месте и обратился к мистрис Строг:

— Вот табак, любезная мистрис Строг. Не стоит затруднять почтенного хозяина. Тем более, что присутствие его здесь просто необходимо, также как и ваше.

— Тысячу раз благодарю, сеньор, — ответила мегера и, не обращая внимания на насмешливые взгляды бродяг, принялась набивать свою трубку, ответив:

— Рада быть вам полезной.

— Вот и хорошо.

— Располагайте мною, как вам будет угодно.

Мистрис Строг говорила и говорила, не обращая внимания на отчаянные знаки супруга, который старался заставить ее замолчать.

— Располагайте мною, как вам будет угодно, — твердила мистрис Строг. — Мой дом и мой благородный супруг тоже в вашем распоряжении.

— Вы предупреждаете мои желания, любезная мистрис Строг, но нам нужен сущий пустяк.

— Лучше бы что-нибудь важное, сеньор, — возразила мегера. — Тогда и заслуга наша была бы больше!

— Позвольте со всем уважением к прекрасному полу...

— Сколько слов. Говорите же скорее, — перебила Пьера мистрис Строг, обдав его табачным дымом. — Что я должна вам позволить?

— Связать вас.

— Связать? — оторопела мегера.

— Ну да! Причем с величайшей осторожностью.

— Слышите, Строг, мой дорогой?

— Слышу, — ответил мистер Строг со вздохом.

— Эти язычники грозятся меня связать!

— И меня тоже, дорогая!

— Это дело ваше. Пусть вас перевяжут, как колбасу, если вам это нравится. Но чтобы меня... вашу жену!.. Никогда!

— Мистрис Лау, дорогая, успокойтесь. Вам никто не причинит вреда, — уговаривал жену мистер Строг, опасаясь скандала.

— Пусть попробуют! — крикнула мистрис Строг. Время шло, и Пьер обратился к Джое Смиту:

— Свяжите мистрис Строг... а вы, Перико, — нашего великолепного хозяина и его слуг.

Мистер Строг не сопротивлялся, он даже помогал Перико связать слуг, которых поместил в углу залы. Затем хозяин храбро протянул обе руки и их мигом скрутили веревками.

Зато мистрис Строг решила не сдаваться без боя.

Как только Джое Смит направился к ней, мегера взревела, словно разъяренная тигрица, и, несмотря на непомерную полноту и изрядную дозу выпитого рома, одним прыжком очутилась у очага, схватила длинный вертел и с грозным видом стала у входа в коридор, размахивая своим оружием.

Вид новоиспеченной амазонки в первый момент вызвал оглушительный хохот, от которого задрожали стены.

Смеялся даже мистер Строг, его связанные слуги катались по полу от смеха. Сам Король золотых приисков аплодировал этой немного подпорченной Жанне д'Арк.

Но пора было действовать.

Джое Смит попробовал приблизиться к мистрис Строг со всей любезностью, на какую только был способен. Однако тут же с криком отскочил. Мегера всадила ему вертел в руку на добрых шесть дюймов. Не отскочи он, несравненная мистрис Строг проткнула бы его насквозь, как индюка.

Перико попытался хитростью подступиться к мегере, но тахватила его вертелом по лицу так, что остался кровавый след.

— Ну-ка, подойдите сюда, трусы! — вопила мегера, глядя на Пьера и Луи. — Разбойники с большой дороги! Жариться мне на адском огне до последнего дня вечности, если я не проткну вас своим вертелом... воры... убийцы... пьяницы!

— Недотепы! Эй вы! Вяжите же скорее эту безумную, — выйдя из себя, крикнул Пьер.

— Хотел бы я видеть, как вы справитесь с ней, — пробормотал Джое Смит, указывая на намокший от крови рукав.

— Сущая ведьма, — добавил Перико.

— Ступай-ка сюда, милый! Иди же, подлец! — кричала мистрис Лау, торжествуя победу и подстрекаемая хохотом мистера Строга и слуг, которые весело кричали «ура».

Луи что-то шепнул на ухо Пьеру и вышел. Пьер спокойно направился к мистрис Струг.

— Подойди-ка поближе! Если я не попаду тебе в нос, удар не считается!

— Сдавайтесь, мистрис Струг! — сказал Пьер тоном, каким разговаривают с детьми. — Будьте умницей!

В ответ грянул взрыв хохота.

Не увернись Пьер от удара, мегера угодила бы прямо в лицо.

Пьер вынул пистолет и взвел курок. Мистер Струг в страхе закричал:

— Сдавайся, моя прелесть! Честь спасена! Слагай оружие!

— Нет! — зарычала мистрис Лау. — Плевать я на них хочу... — и осеклась на полуслове. Пьер выстрелил.

Вертел сломался, и мегера была обезоружена. В это время появился Луи, схватил ее сзади, скрутил ей руки, рот заткнул кляпом.

— Отнесите мистрис Струг в ее комнату и осторожно положите на кровать, только осторожно. Переверните там мебель, чтобы были следы борьбы. Впрочем, без борьбы и в самом деле не обошлось.

Джое Смит взвалил мегеру на спину, словно тюк, и ушел. Мегера затихла и больше не сопротивлялась. Хозяина и слуг положили на стол, остальные столы опрокинули, сломали несколько скамеек, разбили четыре бутылки вина.

Мистер Струг лишь горестно вздыхал, но сделать ничего не мог. К тому же он понимал, как важно для него не оказаться в числе сообщников Короля золотых приисков. Но главным утешением были унции, лежавшие в кармане.

— Все в порядке, — сказал Джое Смит, возвратившись, — мистрис Струг утихомирилась.

— Пойдемте, нам здесь больше нечего делать, — сказал Пьер, захватив веревки. Но прежде чем уйти, надо погасить в доме свет.

И вот, заперев на ключ добровольных пленников, четверо покинули гостиницу — Пьер, Луи, Джое Смит и Перико. Не успели они выйти, как рядом отворилось окно, и из окна выглянула женщина.

— Здесь, — сказал Пьер и произнес пароль:

— Надейтесь! Последовал ответ:

— Лизбет Тюльер ждет своего жениха. Пьер бросил веревку в окно и сказал:

— Ничего не бойтесь, мы пришли вас спасти. После минуты молчания женщина снова появилась в окне.

— Кто бы вы ни были, — вскричала она, сложив с мольбой руки, — сжальтесь над нами!

— Привяжите один конец веревки к окну, а другой опустите вниз. Торопитесь. Времени мало!

— Если вы нас обманете, Бог покарает вас, — с волнением произнесла женщина. — Мы доверимся вам.

— Бог нас и послал к вам! — вскричал Пьер и обратился к своему другу:

— Поднимайтесь!

Молодой человек стал быстро взбираться наверх и вскоре достиг окна.

— Лизбет! — воскликнул он радостно и в следующий момент уже был в комнате.

— Луи! — счастьем Лизбет не было предела. — Луи! Мы спасены! Я так боялась ошибиться! Но это ты!

Лизбет бросилась в объятия жениха и едва не лишилась сознания.

— Скорее! Скорее! — торопил Пьер, уже успевший подняться наверх. — У нас еще уйма дел!

Жанна де Меркер опустилась на колени и горячо молилась.

ГЛАВА XII. Воздушное путешествие, или то, что мэтр Пьер назвал рекогносцировкой

Прошло два дня после описанных событий.

Был вечер.

Человек тридцать бродяг собралось на крутом берегу Гумбольдт-ривер во главе с Королем золотых приисков, нашим старым знакомым Пьером.

По его приказу бродяги, несмотря на усталость, быстро спешили и стали рубить деревья для заграждения, чтоб еще лучше укрепить свои позиции.

С того места, где они находились, все вокруг хорошо просматривалось.

Покончив с делами, развели костер и приготовили ужин.

Всем очень хотелось есть, и людям, и лошадям. Они проскакали двенадцать с лишним часов, ни на минуту не останавливаясь.

Разложив на земле плащи, Пьер, Луи, Жанна и Лизбет с наслаждением отдыхали у костра, разведенного в нескольких шагах от наскоро построенного шалаша, ели маисовые лепешки, испеченные в золе бататы, запивая их холодным кофе.

Мужчины, привыкшие к суровой жизни в пустыне, не так устали, как девушки, которые буквально падали от усталости.

Ели все молча, вдруг Пьер в гневе стукнул кулаком по земле.

— Что с вами? — тихо спросила Жанна.

— Презренный я человек, — ответил Пьер, не решаясь взглянуть на девушку. — Самый скверный из всех, когда-либо вступивших в пустыню!

— Презренный? — улыбнулась девушка. — Да за что же вы себя так честите?

— Верно, за самоотверженность? — подхватил Луи. — Или за преданность?

— О какой самоотверженности ты говоришь? — вскричал Пьер.

— О твоей, разумеется! Кто посмеет мне возразить?

— Я посмею, клянусь Богом!

— Почему же?

— Уже два дня мы в дороге, а я не могу сбить со следа чертей, которые за нами гонятся. Я старый лесной всадник. Знаю пустыню! Хочется бороду вырвать от злости! А ведь кажется, сделать это было совсем нетрудно!

— Значит, трудно, раз вам не удалось, мэтр Пьер, — вмешалась тут Лизбет.

— Ведь с нами еще тридцать человек, как скрыть столько следов? — поддержала ее Жанна.

— Это-то меня и бесит, что с нами тридцать смельчаков, а я ничего сделать не смог...

— Как же ничего? — возразила Жанна. — А то, что мы здесь укрепились, несмотря на преследование врага, и провели мормонов, а победа над краснокожими?

— И все же главное — сбить со следа наших врагов, — не свойственным ему резким тоном ответил Пьер.

Луи, никогда не возражавший другу, не выдержал:

— Черт побери! — вскричал он. — Чем ты недоволен, Пьер? Нечего скромничать! Ведь ты сбил их со следа.

Пьер покачал головой.

— Ей-богу, он меня с ума сведет! Судите сами, правду ли я говорю... — обратился Луи к девушкам.

— Не надо ничего объяснять, — перебила его Лизбет. — Я верю вам на слово!

— Спасибо! Но выслушайте все же меня и тогда скажете, есть ли у Пьера хоть малейший повод для беспокойства.

— Говорите! Мы готовы выслушать вас!

— Ну как, скажите на милость, врагам напасть теперь на наш след!

— Луи, вы просто ребенок! — пробормотал Пьер.

— Я вас призываю в свидетели, — обратился Луи к девушкам, — чего мы должны опасаться? Пока мы скачем в Калифорнию, Джозе Смит и еще несколько наших друзей увлекают мормонов совсем в другую сторону.

— Допустим! Что дальше?

— Перико оставил их позади себя почти у границы Техаса. Они совершенно не знают, за кем раньше гнаться.

— А за нами разве гонятся? — замирая от страха, спросила Жанна.

— Видимо, гонятся, раз Пьер утверждает.

— Гонятся, — сказал Пьер. — К тому же с примерным упорством.

— Положим, что так. Кто может за нами гнаться? Мормоны? Но Джозе Смит взял их на себя. Краснокожие больше не сунутся. Их проучили. Остаются какие-нибудь бродяги.

— Как бы не так! — насмешливо произнес Пьер.

— И мы их легко одолеем.

— Будем надеяться.

— Уж не станешь ли ты отрицать, что позиция наша основательно укреплена и вполне надежна?

— Нет, не стану... Но осторожность никогда не помешает.

— Мы достаточно осторожны. И повода для опасений я не вижу.

— Благодарю тебя, — сказал Пьер, выслушав друга, — и милых девушек тоже, за то, что они в главном не упрекают меня. Ведь я не отыскал еще господина Дюфальга.

— Увы! — прошептала Жанна. — Наша судьба в руках Божьих. Он один в силах спасти нас!

Она опустила голову.

Неожиданно Пьер вздрогнул и знаком велел всем молчать, в глазах его сверкнул огонек. Он услышал легкий шорох, подобный шелесту ветра в листве, лег на землю и весь обратился в слух.

Все переглядывались с беспокойством.

Шорох повторился. Но, кроме Пьера, никто ничего не слышал.

Пьер просиял и вскочил на ноги.

— Сюда! — крикнул он громко. Бродяги поспешили на зов.

— Можете вы пойти со мной на рекогносцировку? — спросил Пьер. — Или очень устали?

Бродяги пренебрежительно пожали плечами.

— Вы шутите, мэтр Пьер, — ответил за всех Гэри Колт.

— Хорошо! Тогда ты, Гэри, Сэм, Джомда, Герман, Польски, Хозе, Леруа, Ружэ, Сандоваль, берите винтовки и идите за мной! Немедленно!

Бродяги, которых назвал Пьер, пошли за оружием, весело потирая руки, в то время как остальные разошлись, понутив головы.

— Ага! — пробормотал Пьер, затягивая пояс и постукивая занемевшими от сидения ногами о землю. — Кажется, мне скоро не в чем будет упрекнуть себя.

— Что происходит? — спросил Луи.

— Пока ничего не скажу! Передаю тебе командование станом. Если дважды услышишь крик, похожий на лай шакала, знай, что мне нужно подкрепление. Пришлешь человек десять, не больше. У тебя останется еще двенадцать. Этого больше чем достаточно для защиты стана даже от целого войска, если учесть неприступность наших позиций. Понял? Могу я рассчитывать на тебя?

— Еще бы, черт возьми! Но скажи хотя бы, что тебя так обрадовало?

— Не скажу. Чтобы напрасно не будоражить бедных девушек. Ну, я пошел. Вернусь через час, не позднее!

Смельчаки-бродяги уже ждали Пьера, держа ружья у ног.

— Слушайте меня, друзья, — сказал Пьер. — Мы отправимся в индейскую экспедицию. Вы должны мне беспрекословно повиноваться. Речь идет о жизни и смерти. Итак, в путь!

Бродяги молча, с мрачным видом, спустились с крутояра, следуя за своим командиром.

Надо побывать в обширных американских степях, жить, как краснокожие или как охотники, чтобы представить себе, что значит ночью идти по саванне и что такое индейская экспедиция. Французские зуавы и африканские егеря, смелые и ловкие, привыкшие к коварству арабов, не сделали бы и несколько шагов по следам индейцев, как были бы схвачены и уничтожены все до последнего. Храбрость и дисциплина не нужны в войне хитростей.

Дикие обитатели этих стран наделены инстинктом и свойствами зверей, которым стараются подражать, состязаясь в хитрости и коварстве.

Громадный девственный лес, простиравшийся далеко на запад, смыкался с лесом на крутояре, где на самом верху расположились Пьер и его товарищи. Равнина на другом берегу — поросшая густой высокой травой — была совершенно открытой, там виднелись лишь отдельные группы деревьев.

Пьер забросил на ближайшее дерево веревку с петлей на конце, вскочил на ветку потолще и, ухватившись за нее, исчез в листве.

Товарищи последовали его примеру, перескакивая с ветки на ветку и не производя при этом ни малейшего шума. Они двигались по этому опасному пути в ночной темноте смело и уверенно, хотя в любой момент могли сорваться с высоты в восемьдесят с лишним футов.

Изредка смельчаки останавливались, с любопытством глядя в зияющую под ними пропасть, и снова продолжали свой путь.

Через два часа, которые прошли в полном молчании, путники увидели довольно широкий залив. Пьер жестом велел всем остановиться, а сам продолжал двигаться с величайшей осторожностью, преодолевая почти непреодолимые препятствия. Вдруг он радостно вскрикнул, заметив стоявшие на краю бездны два исполинских дерева, увитые лианами. Цепкие стебли лиан переплелись, образуя над водой изогнутый аркой зеленый мост.

Мост был очень красив, но непрочен. Однако выбора не было.

Ни минуты не колеблясь, Пьер остановился и дважды свистнул, подражая шипению коралловой змеи, и его маленький отряд снова двинулся в путь, вскоре догнав командира.

Не произнося ни слова, Пьер указал на воздушный мост, волей случая

переброшенный через пропасть, и первый бросился вперед. Его товарищи замерли в страхе за командира, совершенно забыв о грозящей им самой опасности.

Но Пьер рисковал больше всех, потому что шел первым. Если лианы не выдержат тяжести его тела, гибель неизбежна и никакая сила его не спасет.

Итак, одним прыжком Пьер очутился на середине моста. Но стоило ему сделать шаг, другой, как мост прогнулся, и между лианами в некоторых местах появились просветы.

Момент был критический.

Смельчаки, затаив дыхание, следили за своим командиром.

Вдруг он исчез. Наступила тишина, не нарушаемая даже шорохом.

Объятые ужасом, товарищи Пьера уже считали его погибшим, когда услышали резкий свист. Смельчаки едва удержались, чтобы не крикнуть «ура», и один за другим смело перебрались через мост.

Ни у кого не закружилась голова, не помутилось в глазах, не дрогнула рука.

Пьер знал, кого выбирать себе в спутники.

— Внимание, друзья, — шепнул он, — через пять минут мы будем у цели.

И в самом деле. Через несколько минут смельчаки увидели внизу двух человек. Они сидели у костра и спокойно беседовали.

Это были Гастон Дюфальга и Желтая птица.

ГЛАВА XIII. Желтая птица освобождает пленников

Вернемся теперь к капитану Гастону и Желтой птице. Они покинули бивак и направились к деревне, где главной достопримечательностью была гостиница «Вашингтон», принадлежавшая толстяку мистеру Строгу и его несравненной супруге.

Путь был неблизкий, к тому же кишел шпионами, и добрались они до деревни лишь к десяти часам вечера. На расстоянии ружейного выстрела от деревни Желтая птица свернул влево, и они подъехали к брошенной, почти развалившейся хижине, окруженной живой изгородью. Всадники спешили, и Желтая птица сказал:

— Я пойду на разведку, а вы покормите пока лошадей, только старайтесь, чтобы вас никто не заметил. Помните! Нас окружают враги. Я скоро вернусь. Что бы ни случилось, не трогайтесь с места, иначе я не поручусь за вашу жизнь.

— Можете не сомневаться в моей осторожности, — сказал молодой человек. — Но возвращайтесь скорее. И с добрыми вестями.

— Хочу в это верить. Только нечистая сила может мне помешать принести добрые вести. До свидания!

Охотник взял на плечо винтовку, закурил трубку и небрежной походкой направился к деревне.

Он уже был у цели, когда вдруг услышал топот копыт.

Едва он успел спрятаться за кусты, как из деревни показался отряд всадников и пронесся мимо него с такой быстротой, что невозможно было рассмотреть лица.

— Что бы это могло значить? — пробормотал охотник, поднимаясь на ноги. — Все равно надо идти, хоть что-нибудь разузнаю. Так мчатся могут люди, совершившие преступление, либо спешащие на доброе дело.

В деревне, когда охотник вошел, было темно и пустынно.

— Что же здесь происходит? — с беспокойством подумал Желтая птица.

Он дошел до гостиницы, там тоже стояла тишина.

«Странно! Мистер Строг никогда не закрывает так рано свое заведение. Поглядим-ка, в чем тут дело».

Он внимательно присмотрелся и заметил, что дверь не заперта, к ней

только привалены камни.

Любопытство и беспокойство его усилились. Охотник отодвинул камни и вошел в дом.

— Вот тебе на! Темно, хоть глаз выколи! Так никогда не бывало в гостинице.

Охотник пошарил в сумке, достал спичку и зажег. И глазам его представилась ужасная картина.

Мебель была сломана или перевернута. На столе извивались, словно змеи, четверо связанных с кляпами во рту.

Охотник поднял с пола подсвечник, зажег свечу.

Первое, что он сделал, — освободил от веревок четырех пленных и вынул у них изо рта кляпы. Несчастные едва не задохнулись.

Охотник привел их в чувство, плеснув в лицо целое ведро воды. Все четверо мигом вскочили на ноги.

Начались объяснения. Мистер Строг охотно рассказал все до мельчайших подробностей, разумеется, приписав себе самую выгодную роль.

Не без тайного удовольствия услышал охотник о том, что девушек освободили неизвестные ему молодые люди.

— Видимо, это они и промчались мимо меня, — сказал Желтая птица. — Летели, как вихрь.

— Скорее всего, так и есть: они ускакали с полчаса назад, — ответил мистер Строг, потирая бока.

— А где мистрис Строг? Не случилось ли с нею беды?

— Боже мой! Чуть не забыл о ней! Совсем из ума выжил. Представляю, как она там бесится! — И мистер Строг выбежал вон из залы.

Вскоре он появился в сопровождении своей дражайшей супруги. Она и в самом деле была взбешена: выпучив глаза и отчаянно жестикулируя, мистрис Строг ругала на чем свет стоит своих обидчиков, грозя им всякими карами.

Напрасно муж и Желтая птица старались ее успокоить, она слышать ничего не хотела.

Вдруг онахватила себя кулаком по лбу.

— Знаю, как отомстить этим негодьям!

— Что вы собираетесь сделать? — спросил охотник встревоженно, зная, что эта ведьма способна на все.

— Менее чем в двух милях отсюда, у озера, стоят наши люди... Если они захватят разбойников, расправа будет коротка!

— Я сейчас же пойду к ним, — с готовностью произнес Желтая птица.
— Оставайтесь на месте, — приказала мегера. — Я сама это сделаю. Никому не доверю, — мегера ухмыльнулась. — Ну, шевелитесь же, мистер Строг, старая мумия. Вы, кажется, равнодушны к тому, что вашу жену так унизили!

Хозяин долго не соглашался выполнить требование супруги, но пришлось ему в конце концов повиноваться. Он приказал слугам оседлать двух лошадей, чтобы вместе с несравненной мистрис Строг отправиться в стан мормонов.

— Раз я вам больше не нужен, позвольте мне уйти, — сказал охотник. — Рад был оказать вам услугу. Дайте мне фунт пороху, мистер Строг, и поскорее, пожалуйста.

— Вот, извольте, самого лучшего сорта.

— Благодарю. Сколько я вам должен?

— Ничего, — великодушно ответил хозяин. — Неужели вы считаете меня таким неблагодарным? Позвольте сделать вам этот подарок за услугу, которую вы оказали мне... Я хотел сказать моей супруге...

— Что же, в порядке исключения придется принять, — сказал, смеясь, охотник. — А теперь мне пора возвращаться к своему костру. Прощайте.

— Погодите, прежде выпьем по стакану виски, чтоб моя благодарность не показалась сухой.

— Еще и виски! Вы чересчур щедры, мистер Строг. Ваша супруга рассердится.

Хозяин поднес охотнику виски, они чокнулись, выпили, пожали друг другу руки, и охотник вышел, но не ушел, а притаился в нескольких шагах от дома, чтобы удостовериться, действительно ли мистрис Строг осуществит свое намерение.

Вскоре на этот счет у него уже не оставалось ни малейших сомнений. Мистрис Строг и ее супруг появились на двух отличных мустангах и поехали рысью вперед.

— Доброго пути! — посмеиваясь, прошептал охотник и направился к хижине, где оставил своего спутника.

— Ну что? — вскричал молодой человек, едва завидев охотника.

— Все в порядке, капитан, — спокойно ответил охотник.

— Расскажите же мне! Я умираю от беспокойства. Скорей, ради Бога!

— Много рассказывать не придется. Девушек похитили с час назад... гостиницу взяли силой, хозяина связали и...

— Как похитили? — вскричал Гастон, вскочив на ноги.

— Я хотел сказать «освободили».

— Кто освободил?

— Наши друзья. Все хорошо, успокойтесь.

— Ни слова не понимаю из того, что вы толкуете. Вы словно насмехаетесь над моим горем, Желтая птица!

— Простите, капитан, я грубое животное! Принимайте меня таким, как я есть. Главное, я вам предан. В этом можете не сомневаться. Дело в том, что, когда я голоден, толку от меня никакого. И уж тогда ни чужих забот, ни чужого горя я не способен понять.

— А я и забыл, что вы ничего не ели. Ладно, поговорим за едой. — Гастон с улыбкой протянул охотнику руку.

— Я все приготовлю... Главное, девушки у хороших людей.

— Если бы можно было развести огонь, быстро приготовить ужин, вы мне все объяснили бы, друг мой.

— А почему бы нам не развести огонь? Мы здесь пока в безопасности, наши враги далеко. Надеюсь, они не вернутся, пока я не поем.

Когда ужин был готов, охотник все подробно рассказал молодому человеку, с жадностью поглощая еду. Гастон слушал его с нескрываемым изумлением.

— Что это вы все толкуете про двух молодых девушек?

— Именно про двух. Помните сироту, она воспитывалась в одном монастыре с вашей невестой?

— Помню. Жанна взяла ее потом к себе и любила как сестру. Бедное дитя! Она так прекрасна и так добра! С нею, кажется, что-то случилось?

— Ничего не случилось. Она не расставалась со своей подругой... вот и все.

— А их не разлучили?

— Нет, сударь мой! Это вас успокаивает, не правда ли?

— А! Теперь я понял!

— Что поняли, капитан? Ну-ка посмотрим. — Охотник опрокинул целый стакан водки.

— Лизбет... Так, кажется, ее звали?

— Ее и теперь так зовут, — заметил охотник. — Имени она не меняла. К чему?

— Допустим. Итак, Лизбет любил честный и храбрый моряк коммерческого флота, большой друг нашего семейства. Полагаю, он один из тех, кто спас девушек...

— Вы близки к истине, капитан.

— Да, он счастливее меня, этот милый Луи...

— Это благодаря девушке. Не стану скрывать, вы сами почти обо всем

догадались. Как велика, однако, сила любви!

Каким-то образом девушке удалось сообщить моряку о том, что ее с подругой похитили. А он не терял времени.

— Вот почему Луи взял с меня клятву ждать полгода! — вскричал молодой человек вне себя от радости.

— Совершенно верно! Скоро, капитан, вы увидите свою Жанну!

— Да услышит вас небо, мой честный друг! Но где они сейчас? Вам это известно?

— Нет, неизвестно. Но я их найду, не сомневайтесь. В степи все на виду. Тем более хорошенькие женщины. Сейчас одиннадцать часов. Поспим до двух, а как только взойдет луна, отправимся в путь. К тому времени лошади отдохнут. Таким образом, за ночь мы проедем значительный отрезок пути.

Несмотря на свое нетерпение, капитан согласился. Предложение охотника было вполне разумным, к тому же капитан знал, что Желтая птица зря времени терять не станет.

Отдохнув хорошенько, путники встали, оседлали лошадей и поскакали во весь опор. Благо, багаж у них был нетяжелый. В случае нужды его вообще можно было бросить.

Путники выехали из деревни той же дорогой, какой приехали. Никто не встретился им, ничего примечательного с ними не случилось, хотя следы попадались самые разные.

На второй день к вечеру, перед самым закатом, Желтая птица остановился у громадного, одиноко стоявшего дерева. Спешился, осмотрел его и позвал капитана.

— Взгляните, — сказал охотник, указав на всаженные в ствол треугольником пули.

От верхнего угла шли две вертикальные линии. Это был условный знак, понятный одному охотнику.

— Что это значит? — спросил капитан.

— Это значит, что наши друзья недалеко, — ответил охотник.

— Как вы это узнали?

— Мы ехали по их следу, ни на шаг не отклоняясь в сторону.

— Вы уверены?

— Еще бы! Если не случится чего-либо непредвиденного, мы догоним их нынче же вечером.

— Боюсь вам поверить!

— Хороша похвала, капитан, — проворчал Желтая птица.

— Не сердитесь, друг мой, — промолвил молодой человек,

устыдившись. — Если все кончится благополучно, я вам буду обязан таким большим счастьем, что даже не знаю, чем смогу отблагодарить.

— Ладно, ладно! Я делаю, что могу! Если вы полагаете, что я сам не заинтересован в успехе нашего дела, то ошибаетесь, капитан. А пока я требую от вас одного...

— Чего именно? — перебил Гастон.

— Чтобы вы верили человеку, который никогда не обманывает друзей, а врага надуть сам Бог велит.

— Я верю вам, приятель.

— Тогда в путь!

— В путь!

Они вскочили на лошадей и поскакали.

ГЛАВА XIV. Случай оказывается мудрее доктора Фрэнсиса де Вердьера

Вы уже знаете, читатель, что доктор Фрэнсис де Вердьер поскакал следом за Желтой птицей и Гастоном Дюфальга.

Но он потерял много времени.

Надо было свернуть палатку, навьючить лошадь, а она как нарочно убежала в степь и пришлось ловить ее арканом.

Как доктор ни спешил, выехать ему удалось только в шесть часов вечера.

В долине, милях в двух от бивака мормонов, его дожидался отряд человек в тридцать. Место это выбрал покойный Густон, поверенный в делах доктора и его агент у мормонов, чтобы прямо оттуда без боя отправить похищенных девушек в Дезерет или Фильмор.

Выше уже говорилось, что Соединенные Штаты послали войско против мормонов, и по донесениям шпионов оно быстро приближалось к владениям Святых последнего дня. Именно поэтому мормоны старались избегать излишних осложнений, тем более из-за такого пустяка, как похищение девушек.

Только к полуночи доктор достиг стана мормонов, охраняемого его сообщниками или союзниками, как будет угодно читателю.

Мормоны были настоящими фанатиками, о чем говорит их суровая внешность. В зависимости от обстоятельств они могли стать либо благородными мучениками, либо тяжкими преступниками, защитниками великой идеи или вершителями низкой мести.

Даниты — самые знаменитые среди Святых последнего дня — встретили доктора сдержанно. Большинству из них было известно только его имя, но и это пошло ему лишь во вред.

Мормоны считали французов самым легкомысленным народом в мире.

Но Вердьер обладал редкой способностью приспособливаться к любым обстоятельствам, разыгрывать любую роль. Поэтому нескольких слов ему оказалось достаточно, чтобы завоевать симпатии данитов.

Доктор, не задумываясь, объявил себя заклятым врагом язычников, несчастных безумцев, обойденных священным светом, озарившим сперва Джое Смита, а затем Бригама Юнга.

Созвали совет главных данитов, председательствовал сам доктор.

Обсуждали, какие следует принять меры в связи с разыгравшимися в тот день событиями: убийством Густона, похищением у него важных бумаг, бегством Дюфальга с проводником. Ведь все это могло помешать успеху затеянного дела или уж, во всяком случае, отдалить его на неопределенный срок.

Обсуждали долго и горячо. Американцы — большие охотники поговорить и всегда в восторге от собственных разглагольствований. Причем говорить они могут о чем угодно.

Впрочем, в этом им не уступают англосаксы.

А о мормонах и говорить нечего. Больших болтунов на свете не сыщешь.

Доктору они изрядно надоели, но он вынужден был слушать их бесконечные речи. Время от времени он даже кивал головой, будто в знак одобрения. Одному Богу известно, какой это было для него пыткой.

Наконец, совет кончился. Решено было во что бы то ни стало отыскать девушек и отвезти их в Дезерет или Фильмор. А уж там следы их навсегда исчезнут.

Что же до Дюфальга и Желтой птицы, то их искать никто не собирался, слишком много потребовалось бы для этого времени. Рано или поздно они сами попадутся.

При всей ненависти Вердъера к сопернику, он не протестовал, сознавая разумность такого решения.

Итак, мормоны оседлали лошадей, осмотрели оружие и вскочили на лошадей.

Доктор возглавил отряд и только было хотел отдать приказ трогаться в путь, как несколько данитов привели захваченных в плен мужчину и женщину.

Это были мистер Строг и его дражайшая половина, как ни в чем не бывало курившая свою трубку.

Все знали эту супружескую чету и были удивлены их неожиданным появлением, да еще в такой поздний час.

Доктор приказал всем спешиться, вернулся к стоянке и велел привести пленников. Он распорядился тотчас освободить их, обходиться с ними почтительно, но глаз не спускать.

Мистер Строг рассказал со всеми подробностями о том, что случилось в гостинице. Будто гром грянул среди ясного неба. Он поразил не только доктора, но и данитов, которые словно оцепенели.

Имя Короля золотых приисков, наводящее ужас, передавалось от одного к другому.

Доктор внимательно слушал бесконечные объяснения мистрис Строг, и, когда, наконец, она умолкла, чтобы раскурить трубку, сказал:

— Значит, вы были связаны и с кляпом во рту?

— Как же, и самым оскорбительным образом! — вскричала мегера с яростью. — Будто собака!

— Кто же освободил вас, сестра? Ведь не могли же вы сами разорвать веревки?

— Кто? Мой уважаемый брат! Достоянейший человек! Сам Бог послал его мне. Вечно буду ему благодарна, все сделаю, чего бы он ни потребовал!

— Кто же он, этот добрый человек?

— Бедный охотник. Честный канадец, хотя и язычник, не озаренный светом истины.

— Канадец! — вскричал Вердьер, невольно вздрогнув. — А имя его вы знаете?

— Мне ли не знать! Его прозвали Желтой птицей.

— Желтой птицей! — воскликнул доктор. — Теперь все ясно. Мы обмануты. Негодяи сговорились! Дон Педро, Король золотых приисков, в их руках только оружие. О! Я дал бы тысячу долларов, чтобы встретиться с этим знаменитым золотоискателем!

Хозяин с женой переглянулись.

— Вы сказали тысячу долларов, любезный брат? Я не ослышался? — шепотом спросил мистер Строг.

— Да, тысячу долларов, и могу повторить свои слова!

— Если мистрис Лау не против, я могу сообщить вам нужные сведения.

— Говорите, говорите, мой дорогой! Я не стану мешать вам!

Доктор достал из кармана кошелек, набитый золотом, и бросил мистеру Строгу, который налету подхватил его и с ловкостью фокусника сунул в свой глубокий карман.

— Я жду! — сказал доктор.

— Король золотых приисков велел своим рудокопам ждать его у бухты, на левом берегу реки, за десять миль от крутояра Пало Кемада.

— Да-да, знаю это место.

— Там дон Педро обычно делает остановку, когда направляется в Калифорнию, чтобы не подвергнуться нападению бродяг. Положитесь на меня, сеньор!

— Видимо, так оно и есть, — промолвил доктор. — По коням! — скомандовал он и обратился к мистеру и мистрис Строг: — Вы последуете за нами.

— Однако я полагал... — робко возразил было мистер Строг.

— Я полагаю, — насмешливо перебил его Вердьер, — что купил ваше повиновение.

— Но если Король золотых приисков узнает... — начала мистрис Строг.

— Ни слова больше! Вы следуете за нами! — произнес Вердьер.

Пришлось супругам повиноваться.

Даниты вскочили на лошадей, и отряд тронулся с места.

Путь был долгим, а остановки короткими, лишь для того чтобы дать отдых лошадям.

Напрасно супруги вопили и стонали. Их заставляли идти за отрядом.

Через два дня, утром, в десятом часу, впереди появился ярко пылавший костер. Мормоны вскрикнули от радости. Это был крутояр Пало Кемада, где расположились золотоискатели.

Мормоны спешили. Несколько человек доктор оставил караулить лошадей, а остальным велел идти в наступление.

— Теперь они в наших руках, — сказал он.

— Вперед!

Даниты двинулись, прячась в высокой траве.

ГЛАВА XV. Здесь сходятся все следы

Между тем в стане золотоискателей, покинутом на время Королем золотых приисков, царило беспокойство.

Луи, не привыкший к жизни в пустыне, тяготился свалившейся на него ответственностью и в душе сетовал на друга. Однако виду не подавал.

Болтал как ни в чем не бывало, шутил и смеялся с девушками, за которых готов был отдать жизнь.

А девушкам и в голову не приходило, какая надвигается на них опасность.

Остальные члены отряда были все время начеку, понимая, что Луи, при всей его храбрости, не может заменить Пьера.

— Уже два часа, как ушел мэтр Пьер, — сказала Жанна. — теперь он, наверное, скоро вернется.

— Как знать! — пробормотал Луи, украдкой бросив на Лизбет печальный взгляд. Лизбет это заметила и весело сказала:

— Не хотите ли, любезный Луи, оказать нам с Жанной услугу?

— Услугу? Моя возлюбленная Лизбет! — с жаром вскричал молодой человек. — Да я жизнь готов за вас отдать!

— Мы не так требовательны, — продолжала Лизбет с пленительной улыбкой. — Мы, конечно, робки и боязливы, как и все женщины, но когда речь заходит о чести и счастье всей жизни, женщина порой бывает отважнее мужчины. Вы поняли меня, дорогой мой Луи?

— Нет, Лизбет, дорогая, не понял. Объясните, что вы хотели сказать.

— А вот что, — ласково ответила девушка. — Мэтр Пьер ушел, взяв с собой несколько человек. Джое Смит тоже увел человек двенадцать или четырнадцать. В стане осталось не больше пятнадцати. Верно?

— Приблизительно так. И все же...

— Не перебивайте меня, — сказала Лизбет. — Представьте себе, что на нас нападут, хотя это и маловероятно.

— Разумеется. Но если такое случится, мы будем защищаться, как львы. Будто нас не пятнадцать, а целая сотня!

— Не сомневаюсь, мой друг... но...

— Мы все до единого будем сражаться за вас не на жизнь, а на смерть.

— Итак, защищать вы будете главным образом нас. Ну же... отвечайте... и не отводите глаза!

— Я не... само собой, дорогая Лизбет, но...

— Вы не знаете, что ответить, значит, я права!

— В общем, — вмешалась тут Жанна, — мы требуем, чтобы в случае нападения вы позволили нам самим защищаться! Требуем! Слышите, Луи?

— Помилуйте! — вскрикнул Луи, сдерживая смех.

— Мы и спрашивать вас не будем, — заявила Лизбет. — Вооружимся и все!

С этими словами она взяла две винтовки и два револьвера, лежавшие рядом с Луи.

Одну винтовку и револьвер передала Жанне.

Молодой человек сразу понял, что девушки не хуже его самого осознают опасность своего положения.

Они слушали его болтовню и шутки, понимая в то же время, что в любую минуту могут попасть в руки краснокожих, или, что еще страшнее, — мормонов.

Они и в самом деле не уступали смелостью мужчинам, вызывая восхищение всех членов отряда и вдохновляя их на подвиг.

Луи все же попытался урезонить девушек:

— Дорогие мои, оружие — вещь опасная, — говорил он, — вы можете поранить себя. Позвольте же нам, мужчинам, вас защитить, если это будет необходимо. Умоляю вас!

Жанна гордо выпрямилась и упрямо мотнула головой. Лизбет сердито крикнула:

— Луи!

— Что, моя возлюбленная Лизбет?

— Выпросто трус.

— Покорно благодарю, — ответил он, смеясь. Бродяги, услышав это, расхохотались. Лизбет ничуть не смутилась.

— Вы можете спрятаться, сударь, и тем оправдать оказанное вам мэтром Пьером доверие. Но мы с Жанной твердо решили не падать в обморок при первом же выстреле.

— Лизбет, позвольте мне... — начал было молодой человек.

— Ничего не позволю... Вы не должны нам мешать! Оружие мы все равно вам не отдадим! У вас своего достаточно! А стрелять мы умеем не хуже вас!

— Не сомневаюсь, — ответил Луи, сдержав улыбку, чтобы еще больше не рассердить Лизбет.

— Вот и прекрасно!

— Но обещайте мне, если на нас нападут, что не броситесь вперед, прямо под пули...

— Ничего не обещаю.

— Я за нее обещаю, — решительно заявила Жанна. — Оружие нужно нам для того, чтобы мы сами могли распоряжаться своей жизнью!

— Совершенно верно! — подтвердила Лизбет. — Мы лучше умрем, чем снова окажемся в руках презренных разбойников.

— Ну, до этого дело не дойдет! — шутливым тоном сказал Луи, со все возрастающим беспокойством ожидавший возвращения Короля золотых приисков. — Уверен, что враг не напал на наш след... И...

Со стороны реки донесся крик, похожий на лай шакала. Все вмиг вскочили на ноги.

Луи стал прислушиваться, жестом приказав всем молчать.

Крик повторился.

— Поглядите, что там внизу? Живо! — распорядился Луи.

Несколько человек бросились выполнять его приказание.

— Отвечайте на сигнал. — И это было исполнено. Сам же Луи стал осторожно спускать вниз веревку. Остальные изо всех сил держали ее.

Кто-то поднимался вверх, и минуты через две все увидели Джое Смита.

— Вернулся мэтр Пьер? — спросил он, подходя к Луи.

— Пока не вернулся, — ответил Луи.

— Где он? Можете вы это хотя бы предположить?

— Нет, не могу.

— Давно он ушел?

— Часа два с лишним назад.

— Кто здесь командует? Вы, месье Луи?

— Я.

— Даниты в полумиле отсюда. Я выследил их. Ползут гуськом, как индейцы. Их много, не пройдет и получаса, как вы окажетесь в осаде. Сколько вас?

— Пятнадцать.

— Позиция надежная, вы можете долго держаться. Подпустите их поближе, чтобы стрелять без промаха.

— Разве вы не останетесь с нами?

— Нет, хочу этих негодяев перехитрить. Есть у вас ракеты?

— Есть, можете взять.

— Если увидите, что враг вас одолевает, пустите ракету, когда же увидите, что я выпустил две ракеты, смело бросайтесь вперед и ударьте по врагу. Решено?

— Можете положиться на нас.

— А вы — на меня. Прощайте!

Джое Смит снова спустился вниз по веревке.

Луи словно подменили. Близкая опасность вытеснила из его сердца всякий страх. Как военный, он привык к сражениям. К тому же теперь у него появился в степи союзник — Джое Смит. В общем, положение представлялось Луи скорее хорошим, чем плохим, и он стал готовиться к схватке с врагом спокойно, с веселой беспечностью, присущей морякам в минуту опасности.

Огни были погашены, заграждения укреплены, и смельчаки залегли за ними с оружием наготове. Тучи вдруг рассеялись, небо вызвездило, и суеверные смельчаки приняли это за добрый знак.

Девушки, наперекор воле Луи, взяли на себя роль его адъютантов, чем вызвали восхищение всех членов отряда. И те поклялись, что скорее умрут, чем отступят хотя бы на шаг.

Напрасно Луи умолял девушек уйти в шалаш.

— Я ваша невеста, — возражала Лизбет, — и хочу быть достойной вас.

— А я, — кротко заявила Жанна, — хочу, чтобы Гастон, когда прибудет в стан, увидел меня первую.

Луи нечего было на это ответить, и он, в душе восхищаясь их смелостью, поклялся себе всячески их оберегать от опасности.

Вдруг смельчаки заметили в высокой траве на берегу какое-то движение, и Луи дал команду стрелять.

Восемь выстрелов грянули одновременно. Среди данитов, рассчитывающих застать неприятеля врасплох, произошло замешательство. Но отступать они не собирались. Поднялись на ноги и с победными криками бросились на заграждения. Смельчаки-золотоискатели снова зарядили винтовки, дали залп и рассеяли неприятеля. На земле осталось много убитых и тяжело раненых.

Скоро, однако, даниты снова завязали перестрелку, перебегая от дерева к дереву, чтобы не стать прямой мишенью для противника.

Смельчаки по приказу Луи стреляли не торопясь, без промахов, стараясь не вылезать из укрытий, однако раненые уже были.

А даниты все наступали и наступали. Едва ли двадцать шагов отделяло их от заграждений, схватка была неминуема.

Луи уже хотел дать сигнал о помощи, когда вдруг взвились в воздухе две ракеты и донеслись душераздирающие крики.

Даниты оказались зажатыми с двух сторон и бросились на заграждения. Несмотря на отчаянное сопротивление смельчаков-золотоискателей, они ворвались в укрепление и завязался бой не на жизнь,

а на смерть.

У Вердьера, возглавлявшего отряд мормонов, вырвался радостный крик. Он увидел девушек и кинулся к ним. Понимая, что бегство невозможно, девушки обнялись, решив умереть.

Внезапно доктор с криком упал на одно колено, пуля раздробила ему ногу. Три человека, точнее, три демона, черные от пороха, бросились на Вердьера, Это были Гастон, Пьер и Желтая птица.

Девушек на руках отнесли в шалаш, у входа встали Гастон и Луи с револьверами наготове, уверенные в победе.

Желтая птица наклонился над доктором, собираясь его связать. Доктор был почти без сознания и как-то странно смотрел на канадца.

— Вы хотите, чтобы вас повесили, словно паршивую собаку, или предпочитаете умереть, как солдат? — шепотом спросил Желтая птица.

Вердьер приподнялся.

— Я хочу умереть отмщенный, — ответил он, напрягшись. Схватил пистолет и, крикнув: «Вот тебе, негодяй!», выстрелил.

Канадец ждал этого и вовремя отскочил в сторону, пуля пролетела мимо, лишь слегка задев руку.

— А я еще хотел спасти его от позорной смерти, — презрительно произнес канадец.

И, оставив доктора, охотник присоединился к товарищам, которые успешно вели бой с врагом.

Даниты ни за что не хотели сдаваться, и сражение кончилось страшной резней. Даниты умирали без единого стога, как настоящие фанатики. Они дорого продали свою жизнь. Больше половины золотоискателей пало в этой безумной борьбе.

Джое Смит уничтожил мормонов, оставленных сторожить лошадей. Он изрубил их без всякой пощады. Ни одного мормона не осталось в живых. Зато мистер Строг и его дражайшая половина не остались в накладе. Не замеченные ни одной, ни другой стороной, они сняли все, что могли, с убитых и скрылись. Правда, в суматохе мистрис Строг потеряла свою любимую трубку.

Через неделю золотоискатели во главе с Пьером и все их друзья приближались к Сан-Франциско.

— Я сдержал свое обещание, — сказал Пьер, обращаясь к Луи. — Вы и ваш друг теперь свободны и счастливы. А я уезжаю.

Все стали умолять Пьера остаться. Но Король золотых приисков твердо стоял на своем.

— Неужели вы не опасаетесь мести мормонов? — спросила Жанна. —

Мы не простим себе, если с вами случится несчастье. Последуйте же за нашими друзьями, мэтр Пьер!

— Нет, — возразил Король золотых приисков. — Они не посмеют. Отпустите же меня! Я не могу жить без пустыни. Не могу оставить мое королевство и подданных! Здесь я — король! — добавил он с улыбкой. — Последуй я за вами, вам, пожалуй, скоро надоел бы низвергнутый король. Кто знает, не стал ли бы я сетовать на вас за то, что вы оторвали меня от жизни, полной приключений, от величия природы, от всего, что делает человека добрым? Прощайте, друзья мои, вам суждено жить в городах. Будьте счастливы и вспоминайте иногда золотоискателя, который всегда будет питать к вам добрые чувства.

Вместе с Пьером ушли Желтая птица и смельчаки-золотоискатели.

На другой день после отплытия молодых людей во Францию доктора Фрэнсиса де Вердьера нашли задушенным в темнице, куда его бросили по распоряжению французского консула.

Так никто и не узнал, была ли его смерть самоубийством.

В Сан-Франциско эта история известна всем.

Мы изменили только имена и хронологию.

Главные герои этого романа живут теперь во Франции и наслаждаются счастьем.

Если когда-нибудь эта книга попадет им на глаза, они непременно узнают себя и улыбнутся, вспомнив о перенесенных страданиях. И станут еще больше ценить свое счастье.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)